XVIII 5/6

А. Н. УШАКОВЪ.

НЕНАВИСТНИКИ ЦАРСКОМУ КОРНЮ

и

НАГЛЯДНЫЕ СВИДѢТЕЛИ

ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ И УКРѢПЛЕНІЯ ВЪ НАРОДНОМЪ ДУХѢ

ПОНЯТІЯ ПРИРОЖДЕННОСТИ

РУССКАГО ЦАРЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. А. Евдокимова. Троицкая улица, № 18.
1897.

6 каб.

„Пров 38“

6DK
108

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1897 года.

443
37

Болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, 15 мая 1591 года, Россія лишилась Царевича, князя Димитрія Іоанновича, который пріялъ мученическій вѣнецъ, будучи умерщвленъ злодѣями въ г. Угличѣ, имѣя въ этотъ страшный день 7 лѣтъ, 6 мѣс., 26 дней отъ рожденія.

Царевичъ Дмитрій (Уаръ) Іоанновичъ, послѣдній сынъ царя Іоанна Грознаго и послѣдній удѣльный князь Угличскій изъ рода Рюриковичей, родился въ Москвѣ 19 октября 1583 года отъ царицы Маріи Ѳеодоровны изъ рода Нагихъ [1]) и имѣлъ старшаго родного брата Ѳеодора Іоанновича [2]).

Царь Іоаннъ Грозный на смертномъ одрѣ своемъ (1584 года, 18 марта) старшему своему сыну Ѳеодору завѣщалъ царство и объявилъ его наслѣдникомъ престола, младшему же, младенцу Димитрію, назначилъ въ удѣлъ Угличъ, въ то время оченъ большой и многолюдный городъ [3]), исполняя тѣмъ желаніе верховной думы, которая имѣла на Царицу ея отца и родственниковъ ложныя подозрѣнія.

Вступившій на престолъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, прощаясь съ братомъ младенцемъ, горько плакалъ и, наконецъ благословилъ его въ путь.

По прибытіи въ Угличъ, Царевичъ съ матерью своею Царицею Маріею, дядями Нагими и огромною свитою поселились во дворцѣ, построенномъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ въ XV столѣтіи (1462) и обновленномъ и

---

[1]) Марія Ѳеодоровна (впослѣдствіи инокиня Марѳа) была дочь знаменитаго сановника Ѳеодора Ѳеодоровича Нагого. Царь Іоаннъ Грозный женился на ней въ 1580 году.

[2]) Ѳеодоръ Іоанновичъ рожденъ отъ царицы Анастасіи Романовны, а слѣдовательно не отъ одной съ Димитріемъ Царевичемъ матери.

[3]) Угличъ основанъ въ X вѣкѣ, съ XIII вѣка сталъ центральнымъ городомъ удѣльнаго Угличскаго княжества. Триста лѣтъ тому назадъ имѣлъ по лѣтописямъ 150 храмовъ, 12 монастырей и 40,000 жителей и занималъ при этомъ площадь въ 24 версты въ окружности.

украшенномъ ко встрѣчѣ Царицы и юнаго Князя [1]). Шествіе Царевича боярин Бѣльскій, которому завѣщено было воспитать его, не пожелалъ оставить Москву и не поѣхалъ въ Углич, такъ какъ ему, въ числѣ многихъ другихъ, не по сердцу было удаленіе единственнаго наслѣдника престола отъ трона и Московскаго Кремля; но какъ мы увидимъ, нашлись и такіе люди, кому недостаточнымъ казалось одно удаленіе Царевича: имъ нужно было отстранить всякія права его на наслѣдованіе царствомъ. Нѣкоторые догадывались кто эти враги и вскорѣ зловѣщій шопотъ въ народѣ назвалъ врага по имени.

Потерявшая царя-супруга, царство, удаленная отъ двора, сосланная почти въ ссылку, царица Марія Ѳеодоровна, въ обширномъ въ то время Угличскомъ дворцѣ, избрала самыя уединенныя комнаты и возлѣ нихъ спальню для себя и для своего единственнаго сына царевича Димитрія и всецѣло предалась единственному Утѣшителю, Милосердному Богу, молясь Ему, Всевѣдующему Творцу, въ тишинѣ дворца, какъ въ монастырѣ.

Благовѣрный Царь и Великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ велъ также глубоко-благочестивую, религіозную жизнь и, заботясь угодить Небесному Творцу, не могъ въ то же время имѣть много попеченія о земномъ, почему возложилъ все правленіе царства на ближайшаго своего совѣтника, роднаго брата царицѣ Иринѣ и пользовавшагося довѣріемъ Царя Іоанна Грознаго—боярина Бориса Годунова, усматривая его разумъ и не замѣчая его коварства и лести. Этотъ Годуновъ, при своей хитрости и вкрадчивости, умѣлъ всѣмъ нравиться. Онъ былъ щедръ на милости и обѣщанія, но всегда строгъ и сдержанъ, а потому достигъ величія и богатства. Окруженный честью и славою, видя себя выше всѣхъ и болѣе всѣхъ почитаемаго и во всемъ исполняющеюся свою волю, Борисъ Годуновъ не могъ помириться съ мыслію, что можетъ потерять свое высокое положеніе со смертію Царя Ѳеодора, на долголѣтіе котораго никто не разсчитывалъ. И вотъ, честолюбецъ умыслилъ достигнуть самой высшей царской власти. Эта мечта развивалась у него все болѣе и болѣе и, наконецъ,

---

[1]) Съ Царевичемъ прибыли: стольники, стряпчіе, дѣти боярскіе — 200 человѣкъ жильцовъ; «для сбереганія и царскія ради чести» послано съ Царевичемъ изъ Москвы «четыре приказа стрѣльцовъ: Московскихъ приказъ, приказъ конныхъ и два приказа пѣшихъ». (Истор. г. Углича Ѳ. Киссель; Яросл. 1844 г.)

стала его постояннымъ занятіемъ. Главная помѣха такому замыслу была въ Угличѣ, гдѣ подросталъ юный наслѣдникъ царскаго престола Царевичъ Димитрій, оказывавшій умъ и свойства достойные отрока державнаго.

Зная, что невозможно завладѣть короной, пока не пресѣчется царскій корень, Годуновъ не остановился предъ страшной мыслію во что бы то ни стало извести Царевича и для этой цѣли окружилъ себя пособниками, которые продали ему свою душу, служили орудіемъ и получали всякія милости и награды; противниковъ же своихъ удалялъ и наказывалъ, прокладывая такимъ образомъ своими хитрыми и незамѣтными для современниковъ дѣйствіями тайный путь къ престолу. Въ Москвѣ и другихъ городахъ онъ сталъ распространять ложные слухи, что царевичъ Димитрій, несмотря на его ранній возрастъ, есть уже совершенное подобіе свирѣпаго отца— любитъ муки и кровь, съ удовольствіемъ смотритъ на убитыхъ животныхъ и самъ любитъ убивать ихъ. Между прочимъ, передавали будто какъ-то зимою Царевичъ, въ игрѣ съ городскими дѣтьми на льду, велѣлъ имъ сдѣлать 20 человѣческихъ фигуръ, далъ имъ имена самыхъ видныхъ государственныхъ мужей и, выстроивъ ихъ въ рядъ, началъ всѣхъ рубить саблей—перваго Годунова, затѣмъ Шуйскаго и другихъ и при этомъ приговаривалъ: «вотъ вамъ будетъ въ мое царствованіе». Послѣдствіемъ такихъ слуховъ былъ присылъ въ 1590 году въ Угличъ посольства съ наказомъ боярской думы, въ которомъ значилось: «строже усилить надзоръ за царевичемъ Димитріемъ...» Тайнымъ путемъ въ Москву шли безпрерывные доносы, результатомъ которыхъ явились притѣсненія для царицы Маріи Ѳеодоровны и ея родственниковъ и въ концѣ концовъ былъ уменьшенъ отпускъ суммъ на содержаніе двора. Въ присланное въ Угличъ посольство, Борисъ Годуновъ отыскалъ, черезъ своего новѣреннаго Клешнина, подходящаго человѣка дьяка Михаила Битяговскаго, котораго, именемъ царя Ѳеодора, подъ предлогомъ управленія земскими дѣлами, хозяйствомъ и, какъ бы выражая свои особыя заботы, назначилъ въ Угличъ ко вдовствующей царицѣ. Битяговскій—этотъ наглый извергъ, съ сыномъ своимъ Данилой и племянникомъ Качаловымъ, прибыли въ Угличъ и здѣсь, проводя все время во дворцѣ, изыскивали удобный случай привести въ исполненіе злодѣйскій замыселъ Годунова, ожидая отъ него обѣщанные дары и великую честь.

Прежде всего они вошли въ сообщество съ мамкой Царевича боярыней Василисой Волоховой и сыномъ ея Осипомъ Волоховымъ. Низкая старуха еще ранѣе продала своего питомца Годунову и старалась умертвить Царевича ядомъ, поднося его въ явствіяхъ и питіяхъ, но, какъ извѣстно, никакое зелье не дѣйствовало, и не отъ яда долженъ былъ умереть юный Царевичъ, а пріять мученическую кончину: «Не хотяше бо Вышній Строитель да незлобиваго того агнца смерть въ тайнѣ будетъ».

Находясь въ Угличѣ, царевичъ Димитрій воспитывался своею нѣжною матерью, которая была очень религіозна; ежедневно она посѣщала дворцовую Константино-Еленинскую церковь, куда брала съ собой часто и царевича, какъ только онъ сталъ подростать. Царевичу нравилось церковное пѣніе. По окончанію службы онъ выходилъ первымъ на паперть и здѣсь раздавалъ бѣднымъ подаяніе.

Когда Царевичу исполнилось шесть лѣтъ, царица стала учить его грамотѣ, для чего во дворецъ три раза въ недѣлю ходилъ учитель—грекъ. Населеніе города скоро привыкло къ царевичу Димитрію и къ придворнымъ лицамъ и жизнь вошла въ обычную колею. Царевичъ Димитрій между тѣмъ возрасталъ и укрѣплялся въ душевныхъ и тѣлесныхъ силахъ. Онъ, будучи 7 лѣтъ, по словамъ лѣтописей, уже изучалъ съ успѣхомъ риторику и богословіе, удивлялъ своими дарованіями, остроуміемъ и способностями наставниковъ, отличался кротостію, имѣлъ ангельскій характеръ и былъ самымъ дорогимъ и наглядным утѣшеніемъ своей матери и всѣмъ Нагимъ.

Руководимые А. Клешнинымъ, Михаилъ Битяговскій съ сообщниками, тѣмъ временемъ отыскивали случай исполнить свою данную ими Годунову клятву умертвить царевича, но медлили страшнымъ исполненіемъ, почему Годуновъ въ гнѣвѣ приказалъ Клешнину сообщить имъ, чтобы его порученіе было исполнено немедленно. Злодѣи же рѣшили судьбу Царевича наканунѣ этого наказа.

Въ роковой день 12 мая 1591 года Царевичъ Димитрій, вмѣстѣ со своею матерію царицею Маріею Ѳеодоровною, былъ у обѣдни, послѣ которой пришли къ себѣ въ хоромы. Перемѣнивъ платьице и покушавъ Богородичнаго хлѣба, царевичъ, по настоянію боярыни Волоховой (мамка царевича), отправился гулять по двору; кормилица (Ирина Тучкова—Жданова) удерживала Царевича, но мамка силою вывела его

изъ горницы къ нижнему крыльцу. Въ это время всѣ разошлись изъ дворца обѣдать и отдохнуть; царица тоже готовилась обѣдать, хотѣла сама итти съ Царевичемъ, но задумалась и въ разсѣянности остановилась. Какъ только Царевичъ съ мамкою подошелъ къ церкви царя Константина (находившейся близъ нынѣшней церкви св. царевича Димитрія на Крови), подоспѣли ожидавшіе ихъ ненавистники царскому корню: Осипъ Волоховъ (сынъ мамки Василисы), Данило Битяговскій и Никита Качаловъ. Первый изъ нихъ, взявъ царевича Димитрія за руку, спросилъ: «Государь,—у тебя новое ожерелье?..» Царевичъ съ улыбкою поднявъ голову отвѣчалъ: «нѣтъ, Осипъ, старое...» Мгновенно блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ и, едва коснувшись гортани царевича, выпалъ изъ рукъ Волохова. Слѣдившая издали за Волоховой и царевичемъ кормилица Ирина, увидѣвъ злодѣевъ, намѣревавшихся погубить его, закричала отъ ужаса, бросилась внизъ и, обнявъ своего державнаго отрока, воскликнула: «измѣна, убійство, спасите!..» Тогда одинъ изъ злодѣевъ ударилъ кормилицу палкой по головѣ, вырвалъ изъ рукъ жертву, а Осипъ дорѣзалъ царевича и бросился бѣжать къ воротамъ дворца.

На крики выбѣжала на крыльцо Царица-мать и видя своего сына окровавленнымъ и лежащимъ на землѣ и поодаль стоявшую Волохову (она рвала на себѣ волосы) и лежавшую «ошеломленной» кормилицу Ирину,—съ отчаяннымъ воплемъ сбѣжала съ крыльца къ мѣсту преступленія и схватила въ объятія царевича, который «трепеталъ, какъ голубь, испуская духъ и скончался, уже не слыхавъ вопля своей матери...» Проходившій въ это время изъ соборной церкви пономарь, Ѳеодоръ Афанасьевъ Огурецъ, поспѣшилъ на колокольню, заперъ за собою дверь и ударилъ въ набатъ. Въ минуту угличане, всполошенные необычайнымъ звономъ, испуганные, изумленные, наполнили всѣ улицы, ведущія къ дворцу, думая что онъ горитъ, но не видя дыма, сломали дворцовыя ворота, ворвались на царскій дворъ и, увидѣвъ Царевича Князя Димитрія какъ агнца закланнаго, лежащаго посреди двора, кормилицу же его и мать Царицу, лежащихъ на землѣ безъ чувствъ—поразились ужасомъ великимъ, а придя въ себя, огласили воздухъ рыданіями и воплемъ. Битяговскій, неуспѣвшій удержать пономаря, но хотѣвшій утишить народное волненіе, побѣжалъ распространить въ на-

родѣ вѣсть, что Царевичъ самъ, въ припадкѣ чернаго недуга, упалъ на ножъ и порѣзалъ себѣ горло, но очнувшаяся кормилица и пономарь успѣли объявить настоящихъ виновниковъ убійствъ.

Народъ схватилъ убійцъ и побилъ ихъ каменьями. Нѣкоторые изъ сообщниковъ въ убійствѣ бѣжали по Московской дорогѣ, но невидимою силою были возвращены назадъ. Тѣло страстотерпца мученика Царевича Димитрія, при всеобщихъ слезахъ царицы и народа было поднято съ земли, обагренной невинною кровію отрока, и перенесено въ палаты, а по совершеніи обряда, направлено въ Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ и погребено 20 мая. Осипа Волохова убили въ соборной церкви Спаса, когда тамъ стоялъ уже гробъ Царевича, также умерщвлены слуги Битяговскаго и уличенные и подозрѣваемые въ согласіи съ убійцами, кромѣ няньки, оставленной для дачи важныхъ показаній.

Посланный гонецъ съ донесеніемъ къ Царю объ убіеніи Царевича былъ задержанъ чиновниками Годунова на дорогѣ и въ Угличъ болѣе не возвращался. Грамоты Угличскія переписали, изложивъ въ новыхъ, что Царевичъ въ судорожномъ припадкѣ закололъ себя ножомъ отъ небреженія Нагихъ, которые, закрывая свою вину, безстыдно оклеветали въ убіеніи Царевича Димитрія дьяка Михаила Битяговскаго и ближнихъ его, возмутили народъ и злодѣйски истерзали невинныхъ.

Царь, узнавъ отъ Годунова о кончинѣ брата своего Димитрія, по словамъ лѣтописца, долго плакалъ, наконецъ сказалъ: «Да будетъ воля Божія» и всему повѣрилъ (Ист. Гос. Рос. т. X.)

Собравшись Царь самъ хотѣлъ итти до Углича видѣть тѣло брата своего и погребсти его съ подобающею честью. Годуновъ же началъ придумывать, какъ-бы Царя съ пути возвратить въ Москву. Приближался праздникъ Святыя живоначальныя Троицы въ обители Сергія Радонежскаго Чудотворца, гдѣ Царь изволилъ остановиться и провести праздникъ, а Борисъ черезъ тайныхъ своихъ слугъ поджогъ Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ и произошелъ великій пожаръ.

Царь и бояре съ нимъ бывшіе, узнавъ, что многія церкви и дома погорѣли, опечалились и не знали куда итти въ Угличъ или въ Москву. Видя Царя въ недоумѣніи, Борисъ сталъ совѣтовать возвратиться въ Москву, такъ какъ городъ можетъ весь сгорѣть безъ него, и говорилъ: «Царь, ты не

воскресишь намъ любезнаго брата своего, а самъ убьешь себя печалью надъ его трупомъ! Береги свое здоровье, столь драгоцѣнное для Россіи. Сейчасъ пошлю въ Угличъ людей достойныхъ: они подробно узнаютъ все на мѣстѣ и донесутъ тебѣ обо всемъ».

Ѳеодоръ Іоанновичъ и на этотъ разъ, какъ и всегда, послушалъ лукаваго совѣта Годунова и возвратился въ Москву. Въ Угличъ уже посланы были слѣдователи и въ числѣ ихъ князь Василій Шуйскій, съ нимъ бояринъ, единомышленникъ Борису, Андрей Кишининъ и прочіе отъ духовнаго и гражданскаго чина друзья и преданные Годунову, которые, получивъ наставленіе, что должны по пріѣздѣ своемъ сказать Царю, отправились на мѣсто происшествія.

На другой день по прибытіи въ Угличъ, посланные слѣдователи поспѣшили предать землѣ тѣло Царевича и со всѣми царскими почестями похоронили его въ Угличскомъ соборѣ Спаса Преображенія. При самомъ слѣдствіи всѣ угличане, какъ духовенство, такъ и гражданскіе чины и весь народъ, какъ едиными устами повѣствовали, что Царевичъ отъ рабовъ своихъ убитъ повелѣніемъ Бориса Годунова, который нарочно подослалъ тѣхъ убійцъ. Однако, не обращая на это вниманія, слѣдователи въ томъ же духѣ, какъ донесено Царю о событіи, представили и слѣдствіе. Съ тѣхъ поръ спокойствіе на Руси нарушилось надолго!..

Каково же было бѣднымъ угличанамъ? Потерявъ своего любимаго князя, они были обвинены въ измѣнѣ Царю, въ сообщничествѣ съ Нагими, на которыхъ слѣдствіе возстановило всю вину за печальное кровавое событіе и въ убійствѣ царскихъ чиновниковъ Битяговскаго и прочихъ.

Царь, выслушавъ докладъ о смерти царевича Димитрія, смутился и приказалъ призвать для точнаго допроса изъ Углича въ Москву всѣхъ служилыхъ людей и родственниковъ Димитрія—Нагихъ, которыхъ привезли въ оковахъ и допрашивали въ боярской думѣ. Кормилица Ирина Жданова показала, что когда Волохова спускалась съ царевичемъ съ крыльца, то къ нимъ подошли извѣстныя лица и здоровались съ Царевичемъ. Изъ показаній Ждановой видно, что первымъ съ Царевичемъ здоровался Осипъ Волоховъ, и когда взялъ вѣнценоснаго отрока за руку рѣзалъ ему горло.

Боярская дума, во главѣ съ патріархомъ Іовомъ, который

держалъ сторону Годунова [1]), выслушавъ показанія Ждановой, прикащика Русина, Нагихъ и другихъ постороннихъ людей, рѣшила—за недосмотръ за Царевичемъ: царицу-мать постричь въ инокини и сослать въ монастырь на Выксѣ, родственниковъ ея Нагихъ въ разные города, съ лишеніемъ отпускаемыхъ суммъ на содержаніе; а тѣхъ убитыхъ считать невинно-пострадавшими отъ ярости угличанъ. А за обличеніе угличанами Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія, числомъ около 200 человѣкъ, казнить—многимъ отрѣзали языки и ноздри, а множество семействъ сослали въ крѣпость Пелымъ [2]), къ воеводѣ Петру Горчакову.

Колоколъ, въ который били въ набатъ, приказано сбросить со Спасской колокольни и на площади, лишивъ крестнаго знаменія и «неблаговидно надъ нимъ учинивъ», вырвать языкъ, отрубить одно ухо, наказать его 12-ю ударами плети и сослать въ Тобольскъ.

Когда угличанамъ былъ объявленъ жестокій приговоръ ихъ къ ссылкѣ въ далекій край и когда настало 1-го апрѣля 1592 года, день ихъ высылки, то въ Угличѣ былъ горькій плачъ и стенаніе... много сотенъ несчастныхъ слѣдовали въ ссылку, сопровождаемые стрѣльцами и коннымъ приказомъ. Путь ихъ былъ направленъ по Мироносинскому тракту, по которому слѣдовали въ Сибирь отцы, матери и дѣти. Угличане, слѣдуя въ Пелымь, жестоко сѣтовали на Годунова. На пути слѣдованія ссыльныхъ, къ нимъ былъ присоединенъ въ оковахъ бояринъ Никита Романовичъ, назначенный въ ссылку, въ Чердынь.

Сосланные угличане прибыли въ Пелымскую крѣпость въ 1592 году позднею осенью, изнуренные и больные. Тогда пелымскій воевода, князь Петръ Горчаковъ, объявилъ прибывшимъ угличанамъ заключеніе наказа, въ коемъ значилось: «заставить угличанъ рубить городъ вмѣсто сгорѣвшаго въ 1521 году и оставаться въ немъ».

Угличане слезно просили воеводу разрѣшить имъ послать въ Москву къ царю Ѳеодору челобитную о помилованіи, но челобитная прибыла въ Москву, когда Ѳеодора уже не было

---

[1]) Лѣт. Авр. Пал. «Паче всего ослѣпи Годуновъ имѣніемъ многихъ трапезы сладкопитательны и приводилъ Годуновъ къ себѣ многихъ вельможъ оныхъ лестью, оныхъ дары, а иныхъ угрозы. Егда же Борисъ прослыша про себя въ народѣ объ убіеніи Царевича Дмитрія, прискорбенъ бысть.

[2]) Въ Сибири.

въ живыхъ. Другіе же ссыльные, числомъ около 200 человѣкъ, вмѣстѣ съ колоколомъ, прибыли въ Тобольскъ много позднѣе, что подтверждается сибирскими лѣтописями, гдѣ есть запись въ статейномъ спискѣ воеводъ, на 4 страницѣ, подъ 1594 годомъ, что тобольскій воевода князь Лобановъ-Ростовскій, приказалъ колоколъ безъ уха сдать приказной избѣ, гдѣ и былъ записанъ «первоссыльнымъ неодушевленнымъ съ Углича...»

Неудивительно, что тотчасъ послѣ роковаго событія убіенія невиннаго отрока угличане, находившіеся подъ давящимъ гнетомъ Годунова и разоренные имъ, не могли выразить свое глубокое уваженіе къ любимому князю и воздвигнуть, что-либо видимое и напоминающее ужасный день; но, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, безсильнымъ и беззащитнымъ видимо являетъ Свою помощь Самъ Всемогущій Богъ. Онъ покаралъ всѣхъ заслужившихъ Его гнѣвъ за кровь неповинную мученика Димитрія Царевича и прочихъ невинно пострадавшихъ и убіенныхъ за него, самого же отрока Царевича прославилъ на всеобщую радость и осушилъ слезы угличанъ.

Годуновъ, по смерти царя Ѳеодора, достигъ своей цѣли и дѣйствительно вступилъ на престолъ, но вскорѣ, мучимый совѣстью прежде еще предстоявшей ему горькой смерти, уморилъ себя отравою, которую нѣкогда изготовлялъ другимъ, въ томъ числѣ и царю Ѳеодору.

Но этимъ не кончилась достойная кара цареубійцу: онъ былъ поруганъ и обезславленъ отъ самозванца, явившагося изъ Польши и выдававшаго себя за Царевича. Самозванецъ погибъ, проклятый церковью, а Василій Шуйскій тоже погибъ впослѣдствіи въ польской тюрьмѣ, но прежде ему надлежало, по Промыслу Божію, предъ народомъ и исторіею сознаться, что ѣздивъ по порученію Годунова на слѣдствіе въ Угличъ для открытія причины смерти Царевича Димитрія—лжесвидѣтельствовалъ и затмилъ обстоятельства убіенія невиннаго отрока въ угоду правителю Годунову.

Здѣсь умѣстно сказать, что нѣкоторыя немногія сказанія, написанныя защитниками Годунова (М. П. Погодинъ, К. Аксаковъ, Платоновъ-Арцыбашевъ и др.), отвергаютъ его виновность, доказывая, что скорѣе можно приписать стремленіе добиться царской власти и совершеніе преступленія въ Угличѣ князю Шуйскому, какъ происходившему изъ древ-

няго и знатнаго рода, что въ старину имѣло громадное значеніе.

Но все это загадки, документами не подтвержденныя и составленныя въ послѣднее время. Допуская написаніе исторіи убіенія Царевича Годуновымъ врагамъ его, нужно принять во вниманіе, что и у Шуйскаго навѣрно также нашлись бы враги и слѣдовательно, тогда же явились и остались бы до настоящаго времени лѣтописи съ повѣствованіемъ о винѣ Шуйскаго, если не русскія, то иностранныя, которыя подробно говорятъ о всѣхъ событіяхъ во времена Грознаго и Ѳеодора. Какую нужно приписать тогда роль Годунову? Или онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Шуйскаго, имѣя самъ болѣе правъ и притязаній на престолъ по занимаемому высокому посту и какъ ближайшій родственникъ къ дому Рюрика послѣ Царевича Димитрія? Выборъ Годунова изъ всѣхъ святителей Россійскихъ въ патріархи Іова Рязанскаго, врученіе ему неограниченной власти надъ духовенствомъ, имѣющимъ ближайшее вліяніе на народъ, и слова Іова къ народу: «Святители, бояре и всей Россіи людіе! Кого выбираете въ цари Россіи?.. Мы же думаемъ, что намъ помимо Бориса Ѳеодоровича не должно искать Самодержца!»—не есть-ли громкое доказательство исканія Годунова завладѣть престоломъ? Наконецъ, припомнимъ свидѣтельство самихъ убійцъ: «злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть искреннимъ признаніемъ, именовали и главнаго виновника Димитріевой смерти—Бориса Годунова».

Кто сомнѣвается въ виновности Годунова—пусть помнитъ, что «гласъ народа, есть гласъ Божій», а онъ—голосъ истины—вопіялъ и въ Угличѣ и въ Пелымѣ, и въ Москвѣ и изъ глубины темницъ, и отъ родителей переходилъ къ дѣтямъ, отъ предковъ къ потомству, не умолкалъ и не разсѣевался доколѣ была въ томъ надобность, миновавшая съ занесеніемъ печальнаго событія на страницы лѣтописей въ видѣ, согласномъ съ истиной, ничѣмъ не смущенной и никакими косвенными доказательствами въ свое время не опровергнутой [1]).

Составленное и написанное Святителемъ Димитріемъ, Митрополитомъ Ростовскимъ житіе Царевича-мученика есть

[1]) Смот. иностран. свидѣтельства: нѣмецкаго пастора Бера, Флетчера, Петрея—посланника отъ Карла IX и Густава Адольфа и пр.—всѣ они довольно подробно говорятъ о событіи 1591 г. и виновникѣ его Борисѣ Годуновѣ.

непреложное, неоспоримое свидѣтельство самаго событія, называющее виновника его, Годунова, прямо по имени, а потому и не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Извѣстный русскій путешественникъ по святымъ мѣстамъ Муравьевъ въ своемъ описаніи Троице-Сергіевской Лавры, гдѣ находится заброшенная усыпальница Годуновыхъ, говоритъ о ней слѣдующія, полныя значенія и глубокаго смысла, слова: «Временщикъ, цареубійца, царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ къ престолу, пораженный со всѣмъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный какъ бы для страшной памяти одного убійства. Сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностію Ѳеодора и Ксеніи и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока. О, да приметъ ея ангелъ суда на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Димитріевою и скажетъ разъ рѣшительно: довольно [1]).

Послѣдствія печальнаго событія 1591 года.

Много тяжкихъ испытаній перенесло наше отечество послѣ кроваваго злодѣянія въ Угличѣ, на послѣдствіяхъ котораго остановимся нѣсколько подробнѣе.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался 7-го января 1598 года. Со смертію его прекратилась династія Мономаха.

Народъ хотя и принялъ присягу Иринѣ, супругѣ Ѳеодора, но вскорѣ все перемѣнилось. Царица постриглась въ монастырь, братъ ея Борисъ Годуновъ былъ избранъ своими приверженцами на царство и взошелъ на московскій престолъ. И такъ свершилось желаніе честолюбца! Государь и на престолѣ!..

Годуновъ втайнѣ ненавидѣлъ и опасался Романовыхъ, близкихъ родственниковъ царя Ѳеодора, да сверхъ того носился слухъ, что царь Ѳеодоръ, за нѣсколько время до кончины своей, думалъ, и даже полагали, что онъ оставилъ завѣщаніе, по которому долженъ быть наслѣдникомъ престола Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, старшій изъ рода Романовыхъ, потому не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ

[1]) «Правительственный Вѣстникъ» 1891 г., № 113.

надлежало погибнуть. Въ 1601 году исполнился и приговоръ: Ѳеодора Никитича, съ шестилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, впослѣдствіи государемъ Россіи, и съ юною дочерью послали на Бѣлоозеро. Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не довѣряя строгости и усердію мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными московскихъ приставовъ, которымъ велѣно было смотрѣть за Романовыми неусыпно, давать имъ только нужное для жизни и доносить царю о каждомъ ихъ словѣ. Но вскорѣ участь ихъ была смягчена отъ политики ли царя, или отъ ходатайства зятя Романовыхъ. Царь милостиво указалъ княгинѣ Черкасской, Марьѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлоозерѣ, жить съ невѣсткою—сестрою и дѣтьми Ѳеодора Никитича—въ отчинѣ Романовыхъ, Юрьевецкаго уѣзда въ селѣ Клинѣ. Въ 1602 году Годуновъ, простирая далѣе хитрость свою, обратился къ участи Ѳеодора Никитича. Разведя его съ супругою, Ксеніею Іоанновною, принудилъ обоихъ принять монашеское званіе, чтобы тѣмъ лишить ихъ и малѣйшей надежды къ достиженію царскаго престола. Ѳеодоръ Никитичъ, нареченный въ монашествѣ Филаретомъ, посланъ былъ въ Сійскій, Архангельской губерніи, Антоніевъ монастырь, а супругу его, подъ именемъ Марѳы, сослали съ юнымъ сыномъ Михаиломъ по ту сторону озера Онеги, въ Челмужскую волость, и отдали подъ строгій присмотръ приходскаго священника Ключарева, мужа весьма добродѣтельнаго. Скоро между боярами и служилыми людьми распространился слухъ о тайныхъ интригахъ и дѣяніяхъ Годунова, какими онъ достигъ московскаго престола. Въ его царствованіе, изъ предѣловъ Польши появился мнимый наслѣдникъ московскаго престола, который, именуя себя царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Іоанна Васильевича, вступилъ въ Россію съ польскими и бѣглыми войсками, а для скорѣйшаго достиженія цѣли, разсылалъ во всѣ концы русскаго царства граматы.

Бѣдный сынъ боярскій, изъ области Костромской, галичанинъ Егоръ, въ монашествѣ Григорій Отрепьевъ, еще въ юности лишась отца, именемъ Богдана—Япова, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ литовцемъ, находился въ услугѣ въ домѣ Романовыхъ, зналъ грамотѣ, оказывалъ много ума; но тяготясь низкимъ состояніемъ, рѣшился искать счастія въ санѣ инока (каковымъ оный былъ въ тогдашнее время), переходилъ изъ одного мѣста въ другое.

Развѣдавши обстоятельно объ участи царевича Димитрія, убѣжалъ въ Польшу, а тамъ выдалъ себя за него. Склоня поляковъ къ войнѣ и получивъ ихъ помощь сражался съ Россіею, въ видѣ законнаго наслѣдника престола.

На пути слѣдованія Лже-Димитрія къ Москвѣ, легковѣрные жители городовъ и войска признавали самозванца дѣйствительнымъ царевичемъ Димитріемъ. Годуновъ, видя опасность, старался убѣдить бояръ и народъ, что появившійся Димитрій не есть сынъ Грознаго, а бѣглецъ изъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ. Но въ виду приближенія Самозванца къ Москвѣ, и сомнѣнія въ вѣрности прошлаго событія въ Угличѣ, Годуновъ призывалъ къ себѣ неоднократно вѣрныхъ совѣтниковъ Шуйскаго, Клешнина и Басманова, заклиная ихъ повѣдать ему истину «смерти царевича въ Угличѣ, такъ какъ они были свидѣтелями при погребеніи Димитрія; всѣ отвѣчали съ увѣренностью, что похороненный въ Угличѣ, былъ дѣйствительно сынъ Грознаго.

Между тѣмъ самозванецъ, усиливая на пути свои отряды, покорилъ многіе города и быстро подошелъ къ Москвѣ.

Узнавъ объ этомъ, Годуновъ «прискорбенъ бысть», а 13 апрѣля 1605 года, присутствуя на боярскомъ обѣдѣ, неожиданно для всѣхъ, истекая кровью, умеръ, оставивъ послѣ себя темное воспоминаніе. На престолъ вступилъ сынъ его Ѳеодоръ II, участь котораго была печальна: онъ былъ удушенъ чернью, а клевреты Бориса Годунова передались на сторону Лже-Димитрія, который, съ помощью Петра Басманова, 20-го іюня, торжественно вступилъ въ Москву.

Вступивъ на московскій престолъ, самозванецъ приказалъ дать свободу всѣмъ ссыльнымъ и заключеннымъ Борисомъ Годуновымъ, а инокинѣ Марѳѣ сдѣлалъ тайное предложеніе, чтобы она признала его своимъ сыномъ, въ противномъ случаѣ угрожалъ ей и ея родственникамъ мучительною смертью. Обѣщаніями и угрозами преклоненная, Марѳа признала его своимъ сыномъ, а самозванецъ, якобы мать свою, встрѣтилъ ее въ селѣ Таницинѣ и торжественно ввезъ въ Москву. Всѣхъ Романовыхъ, якобы родственниковъ, вызвалъ къ себѣ. Филарета поставилъ митрополитомъ Ростовскимъ, а супругу его и сына, по желанію ихъ, отпустилъ въ Костромской Ипатьевскій монастырь, такъ какъ они имѣли свои отчины въ Костромѣ. Этими милосердіями Лже-Димитрій внушилъ къ себѣ довѣріе и расположеніе народа, но уже черезъ 11 мѣ-

сяцевъ слава его померкла—личность самозванца сбнаружилась, чему главнымъ образомъ способствовало его религіозное направленіе. Московскіе бояре, духовенство и народъ усомнились въ его тождествѣ съ царевичемъ Димитріемъ, и 17 мая 1606 года москвичи убили его, для выясненія же истины призвали изъ Вознесенскаго монастыря инокиню Марѳу (мать царевича Димитрія), которая свидѣтельствовала передъ всѣмъ народомъ, что сей убитый есть выходецъ, а не сынъ ея. Тогда Москвичи одѣли трупъ самозванца въ платье скомороха и похоронили съ дудкой и волынкой, а впослѣдствіи вырыли тѣло его изъ могилы и сожгли; пепелъ же положили въ пушку и выстрѣтили въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ; жену его Марину Мнишекъ отправили въ Польшу.

Въ 1606 году, въ это тяжелое время великихъ государственныхъ мятежей, на Московскій престолъ былъ избранъ Василій Ивановичъ Шуйскій, а на патріаршество возведенъ былъ Гермогенъ.

И услышали царь и патріархъ, что въ Угличѣ отъ гроба Царевича истекаютъ чудеса великія, врачуются всякія болѣзни и недуги съ вѣрою притекающихъ и молящихся, слава уже о томъ прошла по всей Россіи.

Посовѣтовавшись между собою, царь и патріархъ рѣшили перенести изъ Углича въ Москву новоявленнаго мученика царевича Димитрія честныя мощи, дабы положить ихъ съ отцомъ и дѣдомъ и прочими прародителями на утвержденіе царствующему граду, на обличеніе и посрамленіе тѣмъ, которые именемъ Царевича назывались, и для успокоенія смущенной Россіи.

Въ маѣ того же 1606 года въ Угличъ прибыло торжественное посольство: Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Филаретъ [1]) съ другими святителями отъ Архіепископовъ и Епископовъ, также архимандриты, игумены и прочіе священные чины, а отъ царскаго синклита бояринъ, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и многіе другіе.

---

[1]) Въ мірѣ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, родной племянникъ Іоанна IV, въ 1601 г. повелѣніемъ Годунова какъ сказано ранѣе былъ сосланъ въ Антоново Сійскій монастырь, гдѣ былъ постриженъ подъ именемъ Филарета, а въ 1606 г. Лже-Димитрій произвелъ его въ санъ митрополита Ростовскаго; въ 1610 г. былъ взятъ въ плѣнъ Лже-Димитріемъ II и содержался въ Польшѣ до воцаренія сына его Михаила Ѳеодоровича; въ 1619 г. возвращенъ въ отечество и въ томъ же году возведенъ въ санъ патріарха.

Угличане долго не соглашались выдать драгоцѣнные останки мученика и со слезами говорили: «Мы его любили и за него страдали; лишенные живого, лишимся ли мертваго»? Однакоже должны были повиноваться. Приступили къ открытію скромной могилы, надъ которой во времена Годунова и самозванца священники не смѣли возносить заупокойныхъ молитвъ и къ которой граждане боялись приближаться [1]), вынули изъ земли гробницу, открыли крышку и съ радостію великою увидѣли тѣло нетлѣннымъ и, по словамъ рукописи очевидца Филарета: «Плоть бысть въ цѣлости святаго страдальца и не токмо-бо, но и руцы на тѣлѣ его освятишася и истлѣнія избыша. И егда убіенъ бысть отъ безбожныхъ измѣнникъ, и тогда ему прилучися держать въ шуйцѣ своей убрусъ, шитъ златомъ и сребромъ пряденымъ, и тогда оставиша въ руцѣ его, и сія бяше цѣло и невредимо, якъ у живого въ руцѣ держимо; въ друзей же приниючися плодъ, глаголемый орѣхи».

Угличане и пришельцы удивлялись благодати Божіей, на неповинномъ страдальцѣ явленной, и въ радости начали славить знамя святости, а отъ нетлѣнныхъ мощей Страстотерпца благоуханіе не малое исходило. За чудомъ слѣдовали новыя чудеса и многіе недужные, съ вѣрою касаясь мощей, получали исцѣленіе.

Взявши благоговѣйно святыя мощи Царевича, священный соборъ и бояре хотѣли было нести ихъ прямо по Московской дорогѣ, но отойдя отъ мѣста, гдѣ нынѣшняя Николосухопрудская перковь, сажень около 30, святыя мощи, по преданіямъ угличскимъ, остановились и никакая сила не могла ихъ сдвинуть съ мѣста, почему несшіе святыню, видя такое чудо, повернули влѣво къ Ростовской дорогѣ и отправились этимъ другимъ путемъ.

До самой Москвы раку несли знатнѣйшіе люди. Это былъ одинъ изъ торжественнѣйшихъ крестныхъ ходовъ, когда-либо бываемыхъ въ Русской церкви: на протяженіи болѣе двухсотъ шестидесяти верстъ раздавались священные гимны во Славу Божію и въ честь святаго Страстотерпца. (Ник. лѣт. ч. VIII).

Передъ Москвою святыя мощи встрѣчены были Царемъ, Патріархомъ, духовенствомъ, матерію Царевича и безчислен-

---

[1]) Карамз. т. XII.

нымъ множествомъ народа. «Царь взялъ святое бремя на рамена свои и несъ его до Архангельскаго собора». Здѣсь Царица-мать, инокиня Марѳа, въ присутствіи царя, патріарха, бояръ и духовенства, принесла раскаяніе въ томъ, что она признавала самозванца вмѣсто сего страстотерпца за сына изъ страха угрозъ и изъ опасенія, дабы самозванецъ, какъ и Годуновъ, не нанесъ ей гоненія и нестерпимой нужды злыми обидами; почему, проливая слезы передъ всѣми тутъ бывшими людьми, просила прощенія, раскаяваясь въ своемъ грѣхѣ. Патріархъ, взявъ ее за руку, подвелъ къ царскимъ вратамъ и объявилъ всѣмъ находящимся въ храмѣ о разрѣшеніи ее отъ грѣха, затѣмъ, взявъ св. мощи царевича Димитрія, переложилъ въ обитую бархатомъ раку, которая впослѣдствіи замѣнена была серебряной.

Съ соизволенія патріарха, инокиня Марѳа «присядяше ко гробу сына своего, смотря на тѣло его и нача сшивать въ его мѣру возраста благолѣпную плащаницу, вышиваше златомъ и серебромъ и шелкомъ: А на шеѣ изобрази жемчужное ожерелье, якобы онъ ношаша до закланія своего, изготовивъ ея прося Патріарха возложити на св. мощи священными руками». [1]). Въ Архангельскомъ соборѣ святыя мощи были поставлены открыто и оставались непокровенными три дня. Народъ молился, прикладывался и всѣ болящіе получали исцѣленіе. Затѣмъ святыя мощи вложили въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, поставили ее на помостѣ, опредѣлили пѣть молебны новому Угоднику Божію и вѣчно праздновать его память.

Въ настоящее время святыя мощи Царевича почиваютъ посреди церкви въ серебряной, великолѣпной отдѣлки ракѣ подъ богатымъ покровомъ. На крышкѣ раки находится живописное изображеніе св. Угодника и слѣдующая надпись: «въ лѣто 7099, мѣсяца мая въ 15 день, убіенъ бысть благовѣрный Царевичъ Князь Димитрій Іоанновичъ Углицкій Государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи сынъ, повелѣніемъ Бориса Годунова, отъ Никитки Качалова, да отъ Данилки Битяговскаго съ товарищи и принесены его святыя мощи изъ Углича въ царствующій градъ Москву въ 7113 году».

---

[1]) См. «Церковь на Крови», стр. 28 сей книги.

Библиотека

Пятнадцать лѣтъ Русская земля, особенно угличане, оплакивали потерю неповиннаго отрока Царевича Димитрія и событіе 15 мая 1591 года, но не успѣли еще осушить слезы, какъ уже радостно ликовали, прославляя Всемогущаго Бога и св. Страстотерпца.

Послѣ перенесенія мощей царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, на Угличъ и на государство Русское слѣдуетъ цѣлый рядъ нашествій и погромовъ—поляковъ, литовцевъ, украинскихъ казаковъ, черкесовъ и русскихъ бродягъ, которые дѣйствовали сообща. Царь Василій Шуйскій, не имѣя твердости духа, не могъ предостеречь государства отъ мятежей и раздоровъ: являлись новые самозванцы, производили въ народѣ новыя возмущенія и убійства. Къ усиленію бѣдствій Россіи, Польша подкрѣпляла станы самозванцевъ своими войсками, которые производили грабежи и наносили государству ужасное раззореніе. Съ появленіемъ Лже-Димитрія II въ предѣлахъ Россіи, митрополитъ ростовскій Филаретъ прислалъ въ Угличъ съ протопопомъ Афанасіемъ посланіе, въ которомъ заклиналъ жителей быть вѣрными царю и отечеству, надѣясь на промыслъ Божій не страшиться ляховъ, съ мужествомъ стоять твердо и единодушно противъ враговъ [1]).

Когда польскія войска прибыли въ село Тушино съ Лже-Димитріемъ, онъ разослалъ отсюда свои гарнизоны въ разные концы громить Россію.

Городъ за городомъ сдавался Лже-Димитрію: Владиміръ, Угличъ и Кострома признали власть его надъ собою. Вспомогательное шведское войско измѣнило Россіи. Самъ Король Польскій съ войскомъ вступилъ въ Россію и осадилъ Смоленскъ.

При столь трудныхъ обстоятельствахъ государства, въ 1610 году, внутреннія смятенія еще болѣе умножились и еще болѣе утомляли бѣдствующую Россію. Царя Василія Шуйскаго заставили отказаться отъ престола и постригли въ монахи, а на Россійскій престолъ вознамѣрились возвести Польскаго королевича Владислава. Гетманъ Жолкевскій овладѣлъ столицею и увелъ подъ стражею оставившаго пре-

[1]) «О, чада! да не ужаснемся враговъ сихъ нашихъ, нашедшихъ на насъ за грѣхи наши Божіимъ попущеніемъ, но уповаемъ на Бога, аще и одолени отъ супостатъ нашихъ и убіени будемъ вѣнцы мученическіе отъ Бога пріимемъ за церковь Божію, за вѣру христіанскую и за Царя всѣ пострадаемъ, Польскому вору и королю никогда не повинимся и крестное цѣлованіе не преступимъ».

столъ Царя Василія въ Польшу, гдѣ онъ и кончилъ жизнь. Патріарха Гермогена Поляки уморили томительнымъ голодомъ, а пословъ Россійскихъ, съ митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ Филаретомъ, присланныхъ въ Польшу къ королю Сигизмунду, посадили подъ жестокую стражу въ крѣпость. Заключеніе Филарета увеличило скорбь Маѳы и сына ея Михаила; они, потерявъ надежды на земныхъ владыкъ, для испрошенія себѣ помощи у Небеснаго Царя, чрезъ молитвы преподобнаго Макарія, Унжинскаго Чудотворца, предприняли путь въ его обитель. Такъ, въ сокрушеніи сердца, благовѣрная инокиня съ богодарованною отраслію—сыномъ своимъ Михаиломъ—молилась Богоносному Отцу, да поможетъ имъ своимъ ко Христу ходатайствомъ въ ихъ печаляхъ и сподобитъ ихъ видѣть преосвященнаго Филарета. Смиренная молитва ихъ была услышана, жребій печали и скорби ко всеобщему торжеству обратился потомъ въ несказанную для всѣхъ радость.

Въ 1611 году думный дворянинъ Сукинъ, Дьякъ Васильевъ, архимандритъ Евфимій и Келарь Аврамій, возвратясь изъ стана Сигизмундова, вдругъ заговорили смѣло, обличая вѣроломство этого короля. Рязань, Владиміръ, Суздаль, Ярославль, Нижній, Романовъ, Кострома и Вологда ополчались для спасенія Москвы и отечества. Боговдохновенные старцы Троицко-Сергіевской Лавры: Архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицынъ, описавъ бѣдственное состояніе отечества, разсылали во всѣ города грамоты: именемъ Бога и народнымъ благосостояніемъ убѣждали всѣхъ Россіанъ поспѣшить на помощь столицѣ. Увѣщанія ихъ воспламенили любовь къ погибающему отечеству. Откликнулись вѣрные сыны отечества на берегахъ Оки и Волги. Въ Нижнемъ-Новгородѣ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, въ Калугѣ князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, въ Рязани Прокопій Ляпуновъ, во Владимірѣ Артемій Измайловъ, въ Суздалѣ Андрей Просовецкій, въ Ярославлѣ Иванъ Волынскій, въ Костромѣ князь Ѳеодоръ Волконскій, въ Романовѣ князь Ѳеодоръ Козловскій—начали собирать войско на защиту и спасеніе столицы.

Въ 1612 году воззваніе архимандрита Діонисія и келаря Аврамія Палицына еще болѣе пробудило любовь къ отечеству въ сердцахъ вѣрныхъ его сыновъ. Нижегородецъ, знаменитый Кузьма Мининъ, по прозванію Сухорукій, на пло-

щади обратился къ народу: «если хотимъ спасти Московское государство, то не только не пощадимъ жизни, но пожертвуемъ семействами и имуществомъ, заложимъ женъ и дѣтей, все отдадимъ, чтобы только мужественный и опытный начальникъ вступился за вѣру и повелъ къ освобожденію Москвы». Все одушевилось рѣчью доблестнаго гражданина. «Не пощадимъ ни себя, ни женъ, ни дѣтей, ни имущества!» воскликнули Нижегородцы и Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій единодушно былъ выбранъ вождемъ. Архимандритъ Печерскій Ѳеодосій съ гражданами отправился въ деревню князя, гдѣ онъ тогда лечился отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ послѣ 19 марта.

Пожарскій согласился и отправился въ Нижній; на пути встрѣтилъ дружины Вяземскія и Дорогобужскія. Низовые и поморскіе города сдѣлали большія пожертвованія. Коломенцы Рязанцы, Украинцы и стрѣльцы, бывшіе въ Москвѣ при царѣ Василіѣ, прибыли въ Нижній. Князь принялъ начальство надъ войскомъ, а Мининъ ввѣренную казну. И такъ, съ надеждой на Бога, Пожарскій и Мининъ двинулись съ дружинами на освобожденіе Москвы. Всюду встрѣчали ихъ радостно, снабжали ратниками и казною и въ 1612 году незабвенные спасители отечества, Мининъ, Пожарскій и Палицынъ, Октября 22 числа, освободили Москву отъ неистовства враговъ. Но Россія не была еще совершенно успокоена. Народъ требовалъ Государя, бояре колебались въ выборѣ; Пожарскій отрекся отъ престола, на который возводили его любовь и благодарность народная. Онъ съ помощію келаря Палицына склонилъ Россіянъ къ избранію въ Цари юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ ближайшую отрасль рода Рюрикова. Послѣ всеобщаго совѣщанія, бывшаго 1613 г. 21 февраля на лобномъ мѣстѣ и молебствія, во всю ночь продолжавшагося по соборамъ, приступили къ сочиненію извѣстительной грамоты во всѣ города о единодушномъ избраніи Михаила на царство; 25 февраля первопрестольная столица присягала новоизбранному Царю.

Уже назначенные послы къ юному Монарху, Ѳеодоритъ архіепископъ рязанскій, Аврамій Палицынъ, бояре: Ѳеодоръ Шереметьевъ, князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій и окольничій Ѳеодоръ Головинъ, со многими государственными сановниками, готовились отправиться въ Кострому, такъ какъ тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ съ родитель-

ницею жили въ костромской вотчинѣ своей; но новое несчастіе едва не ввергло Россію въ новыя, ужаснѣйшія бѣдствія безначалія.

Поляки и литовцы, раззорявшіе Россію, узнавъ объ избраніи Михаила на царство, вознамѣрились схватить его и отправить въ Польшу, или умертвить. Для того одинъ изъ начальниковъ бродячихъ и грабившихъ отрядовъ пустился къ Костромѣ, въ вотчины Романовыхъ. Время тогда было ненастное, начинало вечерѣть, какъ поляки сбившись съ дороги, встрѣтили близъ деревни Деревнищъ крестьянина Ивана Сусанина и спросили его о дорогѣ въ село Домнино къ боярскому двору, гдѣ тогда былъ юный Михаилъ. Умный Сусанинъ, подозрѣвая коварство ихъ, рѣшился спасти Богомъ избраннаго Михаила, вызвался самъ проводить ихъ, и между тѣмъ показывая, что будто чего-то ищетъ, успѣлъ приказать зятю своему, чтобы онъ какъ можно скорѣе спѣшилъ въ Домнино для увѣдомленія Михаила о предстоящей ему опасности. Самъ, помолясь Богу и препоруча себя Его святой десницѣ, повелъ злодѣевъ въ противоположную сторону; притворяясь, что ищетъ дороги, которую въ темнотѣ будто потерялъ, блуждалъ съ ними по болотамъ и глубокимъ оврагамъ. Наконецъ, разсчитывая, что Михаилъ уже могъ окольными дорогами удалиться въ Кострому, положилъ конецъ нетерпѣнію поляковъ объявивъ, что съ намѣреніемъ завелъ ихъ въ противоположную сторону, дабы этимъ спасти государя. Варвары уговаривали Сусанина, обольщали наградами, угрожали наконецъ мучительною смертію, но ни что не могло устрашить старца. Поляки, приведенные въ бѣшенство его твердостію, жестокими ударами повалили его на землю, и Сусанинъ, благословляя Промыслъ, избравшій его быть спасителемъ отрока, опредѣленнаго Небомъ къ счастію Россіянъ и украшенію трона, испустилъ духъ. Вѣрный Сусанинъ въ селѣ Исуповѣ принялъ мученическій вѣнецъ. Михаилъ же извѣщенный зятемъ Сусанина объ угрожающей ему опасности, уѣхалъ окрестными дорогами въ Кострому въ Ипатіевскій монастырь, куда прибыла и его родительница. Злодѣи, не смѣя слѣдовать къ Костромѣ, гдѣ не столько стѣны монастырскія, сколько усердіе и вѣрность жителей ограждали Михаила,— удалились къ Бѣлоозеру [1]).

[1]) Князь А. Козловскій «Взглядъ на исторію Костромы».

Во время пребыванія въ Ипатіевскомъ монастырѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ получилъ вѣсть объ избраніи его на престолъ, и ожидая пословъ, по просьбѣ костромитянъ, поселился въ келіяхъ Ипатіевскаго монастыря.

Марта 13, отправленные изъ Москвы послы, прибыли въ Новое Селище. Жители Костромы спѣшили поклониться иконамъ, принесеннымъ изъ Москвы, спросили Михаила, когда дозволитъ посламъ пристать предъ него, и получивъ позволеніе, ночь провели въ сношеніяхъ. На другой день, 14 марта, Костромское духовенство, сопровождаемое множествомъ народа съ иконою Ѳеодоровской Божіей Матери, а съ другой стороны присланные послы съ чудотворными иконами, принесенными изъ Москвы, отправились крестнымъ ходомъ въ Ипатіевскую обитель. Михаилъ съ родительницею, вышли за врата, съ благоговѣніемъ встрѣтили грядущую святыню и, приложившись къ иконамъ угодниковъ Божіихъ, получили отъ архіепископа благословеніе. Послы тогда подали грамоту и просили итти въ почетномъ мѣстѣ въ Троицкую церковь и тамъ предъ алтаремъ Всевышняго Бога провозгласили Михаила Царемъ Великороссійскимъ. Михаилъ и матерь его совершенно отреклись отъ принятія престола. Тщетно Ѳеодоритъ и Палицынъ употребляли убѣжденія; тщетно бояре представляли бѣдствія, угрожающія отечеству отъ ихъ отреченія; тщетно народъ съ рыданіемъ испрашивалъ у нихъ согласія. Марѳа и сынъ ея были непреклонны. Она страшилась благословить на царство сына, воспитаннаго въ мирномъ уединеніи, при столь смутныхъ обстоятельствахъ; Михаилъ боялся согласіемъ своимъ предать мщенію поляковъ своего родителя, бывшаго у нихъ въ плѣну. Что оставалось дѣлать посламъ? Какъ преклонить непреклонныхъ? Уже около 6 часовъ продолжались умоленія: тогда епископъ Ѳеодоритъ въ глубочайшей горести беретъ образъ Владимірской Богоматери, писанный Петромъ митрополитомъ, а Палицынъ икону великихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія и Іоны, и приближаясь къ нимъ, вѣщали: повинуйтесь волѣ Божіей и Пречистой Его Матери! Сіи святыя иконы притекли повѣдать вамъ опредѣленіе Ваше; не народомъ, а ими вы избраны на великое дѣло, ими умудритесь въ предстоящихъ трудахъ и подвигахъ. Преклонитесь же передъ ними и повинуйтеся». Марѳа не могла противиться болѣе: въ слезахъ упавъ передъ иконами, произнесла свое согласіе: «Кто противъ Бога, единородный возлюб-

ленный мой? свѣтъ очей моихъ, повинуйся волѣ его». Михаилъ умолялъ ее не соглашаться. «Нѣтъ, отвѣчала Марѳа, се дѣло Божіе, не человѣческій разумъ! не смѣю противиться».—Михаилъ плакалъ; всѣ молчали; онъ упалъ передъ образомъ Богоматери: «Боже говорилъ онъ, Твоя есть воля, я рабъ Твой, спаси и соблюди меня!» Вставъ обратился къ посламъ, боярамъ и народу, и сказалъ: «аще на то воля Божія, да буди тако!» Въ восторгѣ всѣ поверглись предъ нимъ, радостно восклицая, слезы печали превратились въ слезы радости, горесть въ восторгъ невыразимый; вездѣ слышны были громкіе крики ликующаго народа. Марѳа, взявъ державнаго сына своего и подводя къ образу Богоматери, сказала: «буди святая воля твоя, Владычица! въ твои пречистыя руцѣ предаю чадо свое: настави его на путь истинный, на благо себѣ и всему христіанству». Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго Царя; Михаилъ тутъ же былъ возведенъ послами на велико-княжеское мѣсто и, принявъ отъ нихъ царскій жезлъ, слушалъ торжественное молебствіе, за которымъ въ первый разъ провозгласили многолѣтіе Царю Михаилу. Когда онъ шелъ въ царскомъ облаченіи изъ церкви въ келіи гдѣ жилъ, то звонъ колоколовъ и радостный крикъ народа не умолкалъ; три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же въ память этого знаменитаго событія установлено праздновать 14-го марта явленіе чудотворной иконы Ѳеодоровскія, находящейся въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ—до этого времени празднованіе совершалось августа 16 дня. Царь и посольство, въ сопровожденіи множества народа и въ предшествіи святыхъ иконъ, отбыли изъ Костромы въ столицу 19-того же марта. Съ восшествіемъ на престолъ юнаго царя Михаила Ѳеодоровича Романова—этого перваго избранника русскаго народа, разоренные и разграбленные города стали возрождаться и постепенно возстановлялось спокойствіе на Руси.

Несомнѣнно, что событіе 1591 года и только-что описанныя его послѣдствія, никогда не изгладятся изъ памяти и составляетъ черное пятно на страницахъ нашей исторіи, но оно заставило Русскую землю встрепенуться и осмотрѣться вокругъ.

Святая Русь—теперь громадная по объему, сильная по числу и духу народонаселенія, славная по благоустройству и просвѣщенію, грозная по вооруженію, благочестивая по

обилію и благолѣпію св. храмовъ и богослуженій, безъ сомнѣнія, обязана такимъ могуществомъ и величіемъ православію ея народа, самодержавію ея Государей и молитвамъ ея заступниковъ—угодниковъ Божіихъ, однимъ изъ которыхъ явилъ намъ Господь невинно пострадавшаго царственнаго отрока Димитрія, который незримо любящимъ окомъ, слѣдитъ за ростомъ царства Русскаго и съ высоты небесъ ниспосылаетъ ему своимъ ходатайствомъ помощь отъ Бога. Поэтому мы должны постоянно держать въ своей памяти неизреченную благость Господа Бога, прославившаго Страстотерпца Царевича и его честныя мощи, давшаго—въ лицѣ этого святого—Державнымъ нашимъ вождямъ постояннаго Покровителя, землѣ Русской защитника въ бѣдствіяхъ и новаго чудотворца цѣлителя и молитвенника за насъ грѣшныхъ, съ вѣрою къ нему прибѣгающихъ.

Почитаніе памяти Царевича Димитрія.

Святая православная церковь, день мученической кончины угодниковъ Божіихъ, предназначаетъ для празднованія прославленнымъ святымъ; поэтому церковнымъ прологомъ показано чинить празднованіе Царевичу Димитрію: 1) 15 мая храмовой праздникъ—день кончины Царевича; 2) 3 іюня, на память перенесенія мощей и 3) 19 октября, на память рожденія Св. Благовѣрнаго царевича князя Димитрія.

Въ Угличѣ особенно торжественно празднуется день преставленія Святаго благовѣрнаго князя царевича Димитрія 15 мая. Наканунѣ во всѣхъ церквахъ города совершается всенощное бдѣніе, а въ самый праздникъ изъ собора въ церковь Царевича, что „на Крови“ его, бываетъ крестный ходъ и торжественное служеніе соборнѣ поздней литургіи старшимъ духовенствомъ города. Слѣдующій затѣмъ день, 16 мая, считается днемъ «празднованія плащаницѣ». Его радостно встрѣчаютъ особенно дѣти. Еще наканунѣ за обычное всенощное бдѣніе стекаются они въ сопровожденіи своихъ родителей или пѣстуновъ, чтобы удостоиваться, во время совершаемаго помазанія, лобзанія плащаницы и образа, въ которомъ заключаются мощи царевича Димитрія, почему

святыня эта, для благоговѣйнаго чествованія и болѣе удобнаго поклоненія, выносится на средину храма. Въ самый же день празднества плащаницѣ, стеченіе дѣтей къ поздней литургіи бываетъ, можно сказать, со всего города. Едва-ли какое-либо дитя не явится или не принесется за которое либо изъ богослуженій въ этотъ радостный и святой для нихъ день. Такъ-же какъ и за бдѣніемъ, во время литургіи дѣти поочередно лобзаютъ драгоцѣнный для нихъ даръ—плащаницу и образъ съ мощами покровителя своего; а нѣкоторые изъ родителей за долгъ поставляютъ пріобщать дѣтей своихъ св. тайнъ. При многолюдномъ стеченіи гражданъ на Богослуженіе, чтобы не стѣснить и тѣмъ не воспрепятствовать дѣтямъ подходить подъ плащаницу, совершается сейчасъ-же послѣ литургіи крестный ходъ съ плащаницею и образомъ царевича Димитрія на болѣе дальнѣе разстояніе, нынѣ на площадь Успенскую къ памятнику, гдѣ служится молебенъ царевичу Димитрію, оттуда — вокругъ теплаго собора и дворца царевича—въ нижнюю Михаила Архангела церковь. Здѣсь, на мѣстѣ закланія, находится гробница и совершается водоосвященіе и отсюда крестный ходъ направляется вокругъ самой церкви.

Съ именемъ Царевича Димитрія тѣсно связаны воспоминанія о печальномъ событіи убіенія этого невиннаго отрока злодѣями—искателями достигнуть незаслуженныхъ благъ, чести и власти.

Невольно воспроизводятся нашей памятью послѣдствія совершившагося зла и участь всѣхъ виновныхъ въ преступленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что Всемогущій Богъ ниспосылаетъ въ то время людямъ испытанія и бѣдствія для вразумленія будущимъ поколѣніямъ, почему мы, во всѣхъ случаяхъ нашей жизни, должны помнить, что правда и истина всегда восторжествуютъ надъ зломъ, что рано или поздно онѣ выйдутъ наружу, а не добрые поступки откроются во всей ихъ грѣховной наготѣ; за лукавство же и ложь, исходящихъ отъ діавола, всякій получитъ заслуженные гнѣвъ и кару отъ праведнаго Судіи, а это часто бываетъ въ то самое время, когда владѣющій орудіемъ неправды якобы успѣлъ достигнуть цѣли своихъ исканій.

Такъ какъ мы по своему малодушію и слабости не можемъ иногда совладать съ собой и уклоняемся отъ добраго пути, то Милостивый Господь, чтобы подкрѣпить нашъ духъ

и насъ самихъ на пути истинномъ, поставилъ предъ Престоломъ Своего величія, вмѣстѣ съ чинами ангельскими, постояннаго молитвенника за насъ, Св. царевича Димитрія, который поможетъ намъ въ нашемъ маловѣріи если мы съ вѣрою призовемъ его святую помощь.

Будемъ же возносить наши усердныя молитвы Св. Страстотерпцу и воздадимъ хвалу Всевышнему Творцу, прославившему невинно убіеннаго отрока и открывшему намъ источникъ утѣшенія и новый путь къ спасенію.

Наглядные свидѣтели эпохи нарожденія и укрѣпленія въ народномъ духѣ понятія прирожденности Русскаго царя.

1. Чтобы выразить усердіе свое къ священной памяти царевича, угличане, на мѣстѣ мученической кончины Страстотерпца, на крови его, воздвигли большую часовню—деревянную,*) и другую часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ св. мощи остановились на Московской дорогѣ. Въ 1609—1611 годахъ, во время нашествія на Угличанъ поляковъ, большая часовня, на ряду съ прочими деревянными, постройками, сгорѣла и только съ воцаренія Михаила Ѳеодоровича, когда городъ Угличъ успѣлъ оправиться отъ разореній, первою церковною постройкою является деревянный храмъ во имя Благовѣрнаго Царевича, на мѣстѣ первой часовни, т. е. «на Крови» св. мученика. Созданіе этого храма относится къ 1630 году, о чемъ свидѣтельствуетъ находящаяся въ церкви грамота царская, а въ слѣдованной псалтири печати 1696 года, полууставомъ, противъ 1630 г. въ Пасхаліи вписана на полѣ и по низу помѣтка: «деревянная церковь освящена зрли (1630) года мая въ 15 день на память преп. Пахомія», и еще: «Въ лѣто зрли мая въ 15 день, на память преп. Отца нашего Пахомія великаго, освящена была церковь первая деревянная, осьмиугольная при Благовѣрномъ Царѣ»... На холстинѣ, величиною въ квадратную четверть, хранящейся въ церкви, значится: «Освятится алтарь Господа Бога и

*) Нѣкоторые историки передаютъ, что вскорѣ послѣ избіенія Царевича на мѣстѣ его кончины была поставлена маленькая часовня, находившаяся во времена самозванца въ большомъ запустѣніи, но это трудно допустить, такъ какъ угличане, преслѣдуемые Годуновымъ, боялись подходить къ могилѣ св. Страстотерпца и произносить вслухъ его имя, а потому не могли сооружать ему памятники.

Спаса Нашего Іисуса Христа въ первой церкви святого Страстотерпца Христова Благовѣрнаго цесаревича Димитрія Московскаго и всея Русіи, освящена была сія церковь лѣта зрли года мѣсяца мая въ 15 день, на память преподобнаго Отца нашего Пахомія великаго, убіенія св. Страстотерпца царевича Димитрія,—при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея русіи і при патріорхе Ѳиларете Московскомъ и всея русіи. И при Митрополите Варлааме Ростовскомъ.» Въ 1630 году вручалось попу Іудѣ изъ Москвы въ Угличъ переправить казенныя вещи въ новую деревянную церковь во имя Благовѣрнаго царевича Димитрія Московскаго чудотворца, а съ привозомъ вещей предписывалось также грамотою Угличскому воеводѣ князю Василію Петровичу Кропоткину: «все церковное строеніе (вещи), пересмотря, отдать во церковь ему, попу (Іудѣ) съ братіею, и подъ дворы мѣста попу, діакону, дьячку, пономарю и просвирницѣ по близку церкви дать».

Въ 1631 году, по просьбѣ гражданъ угличскихъ, присланы были изъ Москвы въ Угличъ части отъ мощей Царевича, именно: взятая отъ гортани скипѣвшаяся кровь, вложенная въ ковчежецъ и потомъ въ икону. *) Икона, эта мѣрою 1 четв. 2 верш., обложена листовымъ серебромъ, позлащеннымъ съ чернью. Внутри иконы—ковчежецъ съ финифтянымъ изображеніемъ царевича Димитрія, стоящаго предъ иконою Спасителя. Въ ковчежцѣ этомъ находится запекшаяся кровь, взятая отъ гортани Царевича. На иконѣ вдѣланы крестообразно 4 орѣха, найденные нетлѣнными при открытіи мощей, съ которыми онъ и былъ закланъ. «Егда получа прощеніе Угличанъ, царь (Михаилъ Ѳеодоровичъ) и Патріархъ (Филаретъ Никитичъ), не презрѣ толикаго гражданъ моленія, совѣтовался съ отцомъ своимъ плотскимъ и духовнымъ Филаретомъ Никитичемъ, кую-бы часть мощей царевичевыхъ послать въ Угличъ? И вложи Богъ имъ мысль да кровь его, скипѣвшуюся у гортани пошлютъ. И отпѣвъ Святѣйшій Патріархъ всенощное бдѣніе Благовѣрному царевичу Димитрію Соборомъ, предъ литургіею прикоснулся къ Св. мощамъ и отъятъ Св. кровь его, скипящуюся у гортани, величиною

*) Киссель въ исторіи Углича говоритъ: «въ срединѣ иконы хранится ковчегъ съ окровавленною землею, взятою съ мѣста, гдѣ невинная кровь святаго Мученика обагрила»,—сказаніе это можно причислить къ разряду вымышленныхъ.

въ яичко, и вложивъ въ уготованный ковчегъ, яки образъ питилистовой, обложи его серебромъ съ чернью и позлативъ. Около сего же ковчега, въ таковыхъ же ставочкахъ, вложи четыре орѣшка лущены и, утвердивъ тотъ ковчегъ, отпустиша въ градъ Угличъ съ ними одръ и старую раку, въ которой несены были мощи Царевича въ Москву, и тако пренесены бысть въ лѣто 7139, а отъ Рождества Христова 1631-е декабря въ 10 день, а по убіеніи Царевича въ 40 лѣто». Также были присланы носилки и плащаница съ изображеніемъ Св. царевича Димитрія въ его ростъ. Эта драгоцѣнная святыня шита золотомъ матерію Царевича, Царицею инокинею Марѳою Феодоровною. «Царица инокиня Марѳа присѣдяше гробу сына своего и смотряше на тѣло нача сшивати въ его мѣру возраста благолѣпную плащаницу, вышиваше золотомъ, серебромъ и шелкомъ. А на шеѣ изобрази жемчужное ожерелье, яко бы онъ ношаше до закланія своего. Очемъ и вопрошенъ бысть отъ убійцы Волохова. Мать же Благовѣрнаго царевича Димитрія проси усердно Святѣйшаго Патріарха Гермогена возложити на св. мощи священными руками оную плащаницу. Святитель же сіе исполнивъ по ея прошенію, посла въ Угличъ и образъ Благовѣрнаго царевича на доскѣ писанный. Услышавше-же сіе, граждане встрѣтили со кресты и святыми иконами, и внесоша въ храмъ его, построенный на крови его. Плащаница и образъ его почитаемы и хранимы, какъ истиный царевичъ, отъ гражданъ честно, благоговѣйно. И умысли чинъ духовный и граждане, да установятъ празднество плащаницѣ сей маія въ 16 день носити вокругъ дворца его, и младенцы подносити, якоже и царевичъ имѣлъ седмь лѣтъ съ половиною».

Въ 1669 году Государь Алексѣй Михайловичъ подтвердди право, данное родителемъ его Михаиломъ Ѳеодоровичемъ этому храму на полученіе воска и денежной царской руги; право это также подтверждалось послѣдующими Государями и остается до сихъ поръ. Кромѣ того, священно-церковнослужители получали прежде рожь и овесъ.

«Милостивый царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, обнови не мало церквей, и на томъ мѣстѣ, гдѣ убіенъ царевичъ Димитрій, повелѣ вмѣсто деревянной, каменную устроити, снабди и утварью довольнѣ, священно-церковнослужителямъ достаточное жалованье положи и Царскими грамотами утверди,

которыя хранятся въ томъ храмѣ и до нынѣ». (Яр. Епарх. Вѣд. 1867 г.).

Повелѣніе царя Михаила Ѳеодоровича о построеніи каменной церкви относится къ 1638 году.

Прежняя деревянная церковь во имя царевича Димитрія по этому случаю была разобрана.

Каменный храмъ Благовѣрнаго царевича на Крови, что существуетъ и до нынѣ, возникъ постепенно. Первоначально была отстроена въ 1661 году церковь нижняго этажа во имя Святаго Архистратига Михаила, о чемъ противъ 7169 года въ Пасхаліи записано: «Въ сіе лѣто освятися теплая церковь Архангела Михаила при царѣ Алексеѣ Михайловичѣ». Судя по особенностямъ устройства и архитектуры, нижній храмъ нѣкоторое время былъ отдѣльною церковью. По всѣмъ актамъ и указамъ въ 1725 году, хранящимся и касающимся церкви и причта, временемъ построенія и освященія верхняго храма значится 1692 годъ. На среднемъ поперечномъ брусѣ за иконостасомъ имѣется слѣдующая надпись: «Построился сій храмъ на Крови Благовѣрнаго Царевича Димитрія Угличскаго Страстотерпца, царскою казною, тщаніемъ и радѣніемъ Московской владычицы, княгини Анны Васильевны вдовы Черкасовой, сродницы матери Царевичевой, бывшей отъ роду Нагихъ».

На основаніи означенныхъ данныхъ, въ вѣдомости о церкви пишется, что она воздвигнула по повелѣнію Царя Михаила Ѳеодоровича, изданному въ 1638 году, царскою казною, окончательно же устроена и освящена въ 1692 году при Благовѣрныхъ Государяхъ, Царяхъ и великихъ князьяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ *).

Такъ возникъ святой храмъ во славу Святыя Единосущныя Животворящія и Нераздѣльныя Троицы и для вѣчнаго прославленія имени Св. Страстотерпца царевича Димитрія усердіемъ Вѣнценосныхъ храмоздателей, въ царствованіе которыхъ устроивался храмъ, и съ помощію Ихъ и благочестивыхъ доброхотныхъ жертвователей благолѣпно украсился и продолжаетъ украшаться до сего дня.

---

*) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, гдѣ упоминается о церкви царевича на Крови говорится, что она устроена въ 1692 году по указу Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, но такого указа въ церкви нѣтъ.

Храмъ Св. Царевича «на Крови» расположенъ на берегу Волги, въ сѣверномъ углу бывшей крѣпости, образуемомъ впаденіемъ Каменнаго ручья въ р. Волгу, двухъ этажный каменный. Онъ зовется ружнымъ и прихода не имѣетъ. Какъ ранѣе сказано, церковь эта соединила въ себѣ наименованіе двухъ прежнихъ деревянныхъ церквей; слѣдуетъ добавить, что по освященіи ея въ 1692 году совершенное устроеніе еще продолжалось, такъ напр. иконостасъ верхней церкви оставался не золоченнымъ до 1752 г. Церковь построена на пространствѣ 12 саж. съ алтаремъ, въ ширину на 4 саж. и въ началѣ была съ каменною съ сѣверной стороны, галлереею въ 8 саж. длины и $4^3/_4$ арш, ширины, на каменныхъ столбахъ: нижній этажъ на 14 саж. съ полуциркульнымъ выдающимся изъ подъ холодной церкви алтаремъ, на немъ одна глава.

Входъ въ церковь на 4-хъ каменныхъ столбахъ и паперть каменная на подобіе сводовъ. Въ тумбахъ столбахъ, поддерживающихъ церковное крыльцо, вдѣланы земныя поливныя каѳли съ орлами.

Верхняя церковь довольно просторна, внутри ея двѣ арки, изъ нихъ одною съ иконостасомъ отдѣляется алтарь полуциркульный, а другою, тоже съ иконостасомъ—трапеза. Алтарь, вся церковь и паперть украшены стѣннымъ фресковымъ письмомъ греческой работы въ 1788 году, на счетъ доброхотныхъ дателей. Въ сводахъ паперти изображены евангельскія блаженства, въ трапезѣ—исторія міротворенія и перваго человѣка, въ главной церкви и алтарѣ—новозавѣтныя событія, также убіеніе святаго Царевича Димитрія съ послѣдующими событіями. Характеръ живописи представляетъ переходъ отъ сухаго греческаго колорита угловатыхъ контуровъ и рѣзныхъ обликовъ къ плавнымъ очертаніямъ итальянской школы. Настоящій иконостасъ столярной работы съ рѣзьбою и колоннами, весь вызолоченъ наполиментъ и устроенъ вновь въ 1865 году вмѣсто древняго, современнаго устроенію самаго храма. Иконы въ новомъ иконостасѣ помѣщены изъ прежняго и сохраняются безъ измѣненія въ письмѣ, кромѣ украшенія нѣкоторыхъ изъ нихъ ризами. Современный первому иконостасъ остался въ трапезѣ, довольно большой, установленный по стѣнѣ и полукружію арки; въ по-

слѣднее время, въ 1869 году, перезолоченъ весь наполиментъ червоннымъ золотомъ. Отъ 1754 года хранится Благословенная грамота Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Арсенія на построеніе и освѣщеніе вновь сдѣланнаго престола въ верхней церкви. Престолъ же разбирался по случаю ветхаго кирпичнаго пола, бывшаго безъ предъалтарнаго возвышенія; нужда заставляла перебирать полъ, поднимать на уступъ, слѣдов. и разбирать св. Престолъ. Тогда же разрѣшено было покрыть кровлю вмѣсто дерева «дощатымъ желѣзомъ», кресты на главахъ переправить и одинъ вызолотить; въ нижней церкви своды разобрать и сдѣлать безъ столбовъ.

Надъ папертію верхней церкви, въ связи съ церковью, возвышается каменная одноэтажная шатровая колокольня, съ восмью пролетами вышиною до креста отъ земли 30 арш.; на ней крестъ осмиконечный вызолоченный; пять главъ церкви покрыты желѣзомъ, окрашены въ послѣднее время масляною краскою, осыпаны позолоченными звѣздами и увѣнчаны крестами осьмиконечными вызолоченными. Вся церковь снаружи не имѣетъ штукатурки, окрашивается по кирпичу красною краскою, а по мѣстамъ и бѣлою известью.

Вмѣсто пристроенной къ церкви съ сѣверной стороны галлереи, въ 1861 году выведена каменная стѣна и устроенъ придѣлъ во имя св. Царевича Димитрія и Ярославскихъ чудотворцевъ—Ѳеодора, Давида и Константина.

О началѣ и самомъ устроеніи этого придѣла изъ церковныхъ записей извѣстно слѣдующее: 1855 г., 20 іюля, вслѣдствіе предписанія высшаго начальства, по совершеніи на Успенской площади, гдѣ нынѣ памятникъ, соборомъ Угличскаго городскаго духовенства молебствія, положеннаго на «освященіе знаменъ и въ путешествіе», выступило въ походъ на войну Крымскую изъ г. Углича ополченіе Угличской дружины, подъ начальствомъ Н. П. Мезенцова: вскорѣ туда же отправлена была и походная церковь дружины. Черезъ годъ по Указу Его Императорскаго Величества и резолюціи Его Высокопреосвященства Архіепископа Нила, изъясненной въ указѣ Угличскому Духов. Правленію, отъ 10-го іюля 1856 г., предписано священно-церковнослужителямъ: по прибытіи Угличской дружины въ городъ, принадлежащую ей

походную церковь съ утварью и знамя внести во дворецъ Царевича Димитрія и хранить ихъ въ ономъ чинно. По совершеніи соборнѣ градскимъ духовенствомъ благодарственнаго Господу Богу молебствія на Успенской площади, церковь и знамя были внесены во дворецъ, въ которомъ и хранились, подъ завѣдываніемъ строителя церкви, почет. гражд. Угличскаго купца М. А. Хорхорина. 1859 года въ мѣсяцѣ мартѣ священно-церковнослужители Царевича Димитрія церкви съ церковнымъ старостой входили къ Его Высокопреосвященству Архіепископу Нилу съ просьбой о разрѣшеніи приложенную съ сѣв. стороны галлерею каменную, по крайней ветхости, разобрать до основанія и сдѣлать вновь по прежнему плану. На просьбу эту получено было и дозволеніе. Покуда заготовлялись для галлереи требующіеся матеріалы, по ходатайству Угличскаго предводителя дворянства А. А. Арнаутова, бывшаго начальника дружины г. Мезенцова, и по желанію Угличскаго градскаго Общества, Высочайшимъ повелѣніемъ и указомъ Ярославской духовной консисторіи отъ 26 апрѣля 1860 г. предписано: на мѣсто галлереи, расширивъ въ длину на 6 арш., сдѣлать при церкви придѣлъ для помѣщенія въ немъ походной Угличской дружины церкви со знаменемъ.

Во время пріѣзда 1860 г. іюня 11 дня, Высокопреосвященнѣйшаго Нила въ городъ для обозрѣнія церквей, 12 числа благоугодно ему было совершить заложеніе придѣла во имя царевича Димитрія и Благовѣрныхъ Ярославскихъ Князей: Ѳеодора, Давида и Константина, по отправленіи въ Преображенскомъ соборѣ Божественной литургіи. Въ 1861 году, къ 1-му декабрю, придѣлъ былъ устроенъ окончательно, а 10 числа, съ благословенія Высокопреосвященнаго Нила, Архимандритомъ Угличскаго Алексѣевскаго монастыря Иннокентіемъ съ сослужащими ему духовными лицами придѣлъ—освященъ. Предъ самымъ освященіемъ изъ дворца перенесена была въ новый придѣлъ походная церковь со всею утварью, къ ней принадлежащею, равно перенесено Начальникомъ Инв. команды г. Ѳедосѣевымъ и знамя Угличской дружины № 130.

Замѣчательны также кресты благословляющіе и между ними крестъ, жертвованный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ бытность его въ городѣ Угличѣ въ 1654 году, серебряный

на серебреной же цѣпочкѣ; по сторонамъ его, въ углахъ, находятся 4 жемчужины; мѣрою онъ въ одинъ вершокъ. На оборотѣ его есть надпись: «крестъ всея вселенныя, крестъ церковная красота, крестъ оружіе на діавола». Въ церковныхъ документахъ объ этомъ событіи находимъ слѣдующее: «Въ 1654 году мѣсяца іюня въ 19 день, егда шествіе творяше великій Государь и царь, всея Россіи Самодержецъ во градъ Кашинъ на перенесеніе мощей Благовѣрныя княгини Анны изъ деревянной въ каменную соборную церковь. Тогда Царь изволилъ прибыть въ Угличъ ко своему сроднику, Благовѣрному царевичу Димитрію, видѣти мѣсто его, гдѣ былъ убіенъ и мокроту мѣста того, яже исходиша ...и тогда при его государѣ пришествіи мокрота изыде изъ земныхъ нѣдръ, гдѣ и нынѣ рака на томъ мѣстѣ зрится, а землю берутъ на исцѣленіе зубной болѣзни. Тогда государь смотря со всею царскою фамиліею и бояры удивляяся, яко то мѣсто обагренное кровію и до нынѣ мокро пребываетъ, яко бы напоено недавно кровію царскою и изволилъ тогда царь пожаловать крестъ на образъ Царевичевъ съ себя носильный съ цѣпочкою серебреной, на одной сторонѣ изображенъ образъ Спасовъ и по угламъ 4 жемчужины» *).

Среди иконъ особенно почитается чудотворная икона Боголюбивой Божіей Матери, она украшена серебряною позолоченною ризою, а облаченіе на Богоматери и вѣнцѣ жемчужные. Икона эта въ новомъ иконостасѣ поставлена мѣстною, вмѣсто иконы Смоленской Божіей Матери, древней, помѣщенной у лѣваго клироса.

Начало празднованія въ г. Угличѣ иконѣ Боголюбской Божіей Матери установлено еще въ 1664 году, во время моровой язвы, бывшей тогда въ Москвѣ и Угличѣ.

«И текоша граждане ко храму (царевича Димитрія) и нача молитися Пресвятой Богородицѣ тутъ бывшей Боголюбской и царевичу Димитрію со слугами. И отверзя своя подаянія на украшеніе храма, такожде и уѣздные поселяне притекаху молитвы ради и отъ того времени уставися праздновати Боголюб-

*) На томъ мѣстѣ, гдѣ кровь св. мученика обагрила, находится другая рака Царевича.

ской Богоматери 18 дня іюня мѣсяца торжественно... И тогда граждане обложиша образъ Царевичевъ серебромъ тонкимъ съ позолотою, которая риза и до нынѣ цѣла и на спискѣ его наложена».

Иконы Благовѣрнаго Царевича и Боголюбивой Божіей Матери и теперь чествуются гражданами; тутъ часто служатся молебны и ихъ берутъ въ дома и во всѣ крестные ходы. Особенно чтится угличанами также храмовая икона Св. Архистратига Михаила празднованіями и молебствіями.

Въ церкви же, что на Крови, находятся достопримѣчательные церковные сосуды и церковныя книги, преимущественно начала XVII столѣтія, также облаченія, рукописи и копіи съ царскихъ грамотъ.

2. Памятникъ перенесенія мощей Страстотерпца (3 іюня 1606 г.) изъ Углича въ Москву—вторая небольшая деревянная часовня на границѣ Царевичевой отчины, какъ видно изъ документовъ, существовалъ 77 лѣтъ; быть можетъ она перестраивалась, но во всякомъ случаѣ вполнѣ достовѣрно, что въ 1633 году часовня эта уступила мѣсто храму, вслѣдствіе челобитной соборнаго протоіерея и прочихъ Угличскихъ властей Митрополиту Ростовскому и Ярославскому Іонѣ Сысоевичу, у котораго испрашивалось разрѣшеніе теплую соборную церковь въ Угличѣ построить вновь, а обвѣтшалую перемѣстить къ Ростовской заставѣ, для замѣненія ею часовни. Благословенная грамота Митрополита послѣдовала въ томъ же 1683 году и хранится по настоящее время. Перемѣщенная церковь была посвящена воспоминанію дня перенесенія св. мощей Царевича изъ Углича въ Москву и служила памятникомъ этого событія до 1729 г., когда священникъ Іоаннъ съ городскимъ бургомистромъ Некрасовымъ и усердствующими людьми подали 10 сентября 1728 года архіепископу Ростовскому Георгію прошеніе и, изъявивъ въ немъ желаніе вмѣсто обвѣтшалой деревянной церкви поставить новую каменную, просили архипастырьскаго разрѣшенія. На третій день по полученіи прошенія высланъ былъ позволительный указъ [1]), а съ 27 августа 1729 года присту-

[1]) Грамота митрополита Іоны Сысоевича сохраняется въ церкви Царевича на Полѣ, а указъ Преосвященнаго Георгія въ библіотекѣ мѣстнаго собора въ книгѣ подъ названіемъ «Описаніе Углича».

пили къ построенію каменнаго храма. Но и этотъ новый храмъ стоялъ не долго. Въ концѣ того же столѣтія, когда онъ былъ воздвигнутъ, его разобрали и построили на другомъ мѣстѣ—внѣ границъ города, вслѣдствіе желанія священно-церковнослужителей удержать при церкви кладбище, которыя тогда запрещалось строить въ чертѣ города.

Церковь эта существуетъ до нынѣ, расположена послѣдняя по новой Ростовской дорогѣ изъ Углича. Архитектура церкви довольно красива, внутренность украшена живописью, иконостасъ и вся утварь въ хорошемъ состояніи. При церкви обширное кладбище.

Именуемая и теперь церковью Царевича на Полѣ, она уже не означаетъ мѣсто, гдѣ остановились св. мощи Царевича, такъ какъ отстоитъ влѣво сажень на 10. Мѣсто то означаетъ теперь бутъ прежней церкви.

Новая церковь Царевича на Полѣ освящена въ 1800 г. и 1814 году: въ первый годъ состоялось освященіе зимней половины во имя св. муч. Кирика и Улиты, а въ 1814 г. освященъ главный храмъ во имя св. Царевича. Святыня эта составляетъ также важный памятникъ св. Страстотерпцу царевичу Димитрію въ г. Угличѣ и, между прочимъ, имѣетъ въ иконѣ, у праваго клироса холодной церкви, стразовый камешекъ, бывшій на ожерельицѣ Димитрія царевича; по лѣвую же сторону царскихъ вратъ находится чудотворная икона Печерской Божіей Матери, перенесенная изъ бывшей деревянной церкви.

---

3. Безмолвный свидѣтель кроваваго злодѣянія, породившаго столько бѣдствій нашему отечеству, является дворецъ царевича Димитрія, который приписанъ къ церкви св. Царевича, что «на Крови», о чемъ въ церковныхъ документахъ, послѣ названія самой церкви, находимъ слѣдующую запись: «При ней царскій дворецъ каменный двухъ-этажный со студенными рамами...» Это древнѣйшее зданіе во всемъ Угличѣ, составляетъ главную историческую достопримѣчательность города и священный, дорогой для него, памятникъ и едва-ли не древнѣйшій образецъ русскаго зодчества. Дворецъ носитъ названіе «Царевича Димитрія», потому что царевичъ, послѣдній изъ Угличскихъ князей, жилъ въ немъ; его также называютъ: «Палаты царевича Димитрія». По-

строено это зданіе, какъ удостовѣряютъ лѣтописи, княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ (въ XV столѣтіи) и въ томъ видѣ, какъ оно есть теперь, по всей вѣроятности составляетъ только центральную часть, къ которой прежде примыкали пристройки. Время и люди разрушили, а поправки, которымъ неоднократно подвергался дворецъ, изгладили всякія слѣды ихъ. Добивались, надо полагать, только одного, чтобы остатки жилища княжескаго имѣли законченную фигуру.

Внутренняя повременная отдѣлка опять указывала на ограниченность вкуса и полную неумѣлость взявшихся за это дѣло съ однимъ только усердіемъ, но съ отсутствіемъ желанія и мысли сохранить древній памятникъ. Не будемъ говорить подробно о наружномъ и внутреннемъ видѣ дворца, въ какомъ онъ еще недавно представлялся нашимъ взорамъ, такъ какъ въ настоящее время онъ уже реставрированъ снаружи и внутри съ точнымъ воспроизведеніемъ всего, сообразно памятникамъ прошлыхъ вѣковъ по сколько, конечно, это удавалось и было по силамъ и уму, распоряжавшейся реставраціей, особой мѣстной коммиссіи, подъ руководствомъ и постояннымъ наблюденіемъ которой и мѣстнаго предводителя дворянства Я. С. Колмогорова, производились работы дѣятельно и быстро.

Были переложены цѣлая стѣна и часть другихъ стѣнъ; для большей прочности стѣны скрѣплены желѣзною связью внутри, затѣмъ облицованы образцовымъ кирпичемъ. Во время переборки обвѣтшалыхъ стѣнъ, въ августѣ 1890 года, въ подвальномъ помѣщеніи открыта была каменная лѣстница; благодаря ей оказалось возможнымъ устроить отдѣльный ходъ въ подземелье снаружи. Въ томъ же подвалѣ, въ противоположномъ помѣщеніи, обнаружены слѣды лѣстницы во внутренній этажъ. Въ подвальномъ и верхнемъ этажахъ выведены новые своды. Крыльцо — на сѣверной сторонѣ дворца, устроено изъ дуба надъ каменною лѣстницей; крыша сдѣлана надъ крыльцомъ изъ дубовой чешуи, какъ обыкновенно въ древности покрывали постройки въ сѣверной полосѣ Россіи. На шатровыхъ верхахъ крыльца стоятъ желѣзные прапоры, на нихъ высѣчены цифирные знаки, обозначающіе годъ основанія дворца, годъ убіенія царевича и годъ возстановленія этого памятника древности. Образцомъ для оконныхъ рамъ во дворцѣ послужили остатки прежнихъ слюдовыхъ

оконницъ дворца. Въ нѣкоторыхъ дверныхъ аркахъ перваго и подвальнаго этажей вставлены старыя дверцы, сохранившіяся въ подвалахъ; въ остальныхъ аркахъ, по тѣмъ старинным формамъ, сдѣланы новыя дверныя полотна. Каѳельныя печи въ верхнемъ этажѣ дворца сложены всецѣло на средства члена коммиссіи И. А. Вахромѣева. Мѣдная крышка дворца имѣетъ старинную форму «полукоробки». На вышкахъ ея устроенъ металлическій князекъ съ прапорами—характеръ его орнаментовъ, какъ и орнаментовъ для частей подзора, заимствованъ съ украшеній фриза дворца. Дымовая труба оканчивается каменной шатровой башенкой, образецъ ея всецѣло взятъ съ башенокъ «на княжихъ теремахъ» Ростовскаго кремля. Наконецъ, высь дворца увѣнчана государственнымъ гербомъ въ видѣ двуглаваго орла, детали котораго почерпнуты съ памятниковъ нашей старины XVI столѣтія.

Что касается стѣнописи внутри дворца, то она заимствована съ извѣстныхъ фресокъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, воспроизведенныхъ тамъ въ XV столѣтіи, братіею Андроніева монастыря. Точно также неумѣло обновленный купцомъ Кожевниковымъ въ 1802 году, ликъ Нерукотвореннаго Спаса—исправленъ; а на стѣнѣ дворца сдѣлана надпись вязью, по образцу надписи въ древней Ярославской Ильинской церкви.

Всѣ эти работы требовали, конечно, значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Но благодаря энергичной заботливости покойнаго губернатора А. Я. Фриде, сочувствію и содѣйствію дѣятелей, благодаря жертвованіямъ всѣхъ отзывчивыхъ на доброе дѣло людей, это препятствіе скоро было устранено. Словомъ ревнители русской старины не жалѣли ни средствъ, ни трудовъ, чтобы успѣшно реставрировать драгоцѣнный памятникъ древности и довести благоустройство его до возможнаго совершенства и русской художественно-архитектурной красоты. Несомнѣнно, что дѣло сохраненія памятника, столь важнаго въ историческомъ и архитектурномъ отношеніи, обезпечитъ за всѣми потрудившимися и принесшими свою лепту на это полезное и доброе дѣло,—не только признательность и благодарность современниковъ, но и уваженіе и память далекаго потомства!

Внутри дворца устроенъ теперь музей древностей, гдѣ находятся коллекціи древнихъ предметовъ и жертвованныхъ и пріобрѣ-

тенныхъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе прекрасное украшеніе музея-дворца—изображеніе Образа Спаса Нерукотвореннаго, несомаго двумя ангелами; изображеніе находится на южной стѣнѣ дворца и воспроизведено по едва замѣтнымъ очертаніямъ, сохранившимся отъ XVI вѣка. Другой выдающійся предметъ во дворцѣ, кафелевая печь, изразцы которой скопированы съ изразцовъ печи въ «Княжьихъ Теремахъ» въ Ростовскомъ музеѣ. На западной сторонѣ, между окнами, портреты Государя Императора и Ихъ Императорскихъ Высочествъ; отъ нихъ налѣво — образъ Св. Димитрія царевича старинной живописи; направо—образъ того же мученика-младенца, писанный масляными красками на холстѣ, въ началѣ XVII вѣка. На сѣверной сторонѣ находятся портреты родителей Царевича: царя Іоанна Грознаго и его супруги. Рядомъ съ ними—весьма древній портретъ того же Грознаго. Особеннаго вниманія заслуживаютъ обтянутые краснымъ сукномъ, деревянные, своеобразной формы, носилки; на нихъ въ 1606 году, въ царствованіе Василія Шуйскаго, были несены мощи Царевича изъ Углича въ Москву, а возвращены эти носилки Угличу, въ качествѣ дара, въ память по св. покровителѣ города, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, въ 1631 году, когда Угличане просили часть мощей св. Димитрія. Слѣдуетъ отмѣтить еще очень древнія хоругви, изъ которыхъ одна шитая шелкомъ и золотомъ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ, образа Спаса Нерукотвореннаго, а на оборотѣ—Іоанна Предтечи и св. Симеона столпника, относится къ концу XVI или началу XVII вѣка; принесена въ даръ музею старостой Предтеченской Угличской церкви, И. М. Хорохоринымъ; другая—XVII-го вѣка, составляетъ приношеніе прот. Угличскаго Собора. Довольно цѣнное пріобрѣтеніе для музея и въ образѣ Спаса Нерукотвореннаго шитаго золотомъ, шелками и жемчугомъ; время его происхожденія тоже не позднѣе начала XVII вѣка.

Для другихъ цѣнныхъ остатковъ старины устроены витрины въ древне-русскомъ вкусѣ. Одни изъ нихъ предназначены для мелкихъ цѣнныхъ памятниковъ церковнаго характера, какъ-то: священныхъ сосудовъ, крестовъ, образовъ, клише древнихъ картинъ Георгія Побѣдоносца, Въ другихъ витринахъ размѣщены домашняя утварь и другіе старинные предметы домашняго обихода: ковши—чарки XVII вѣка и т. п.

Среди музея виситъ люстра, представляющая собою копію съ древнѣйшаго паникадила, находящагося въ собраніи древностей И. Н. Терещенко въ Кіевѣ. Мебель во дворцѣ-музеѣ рѣзная, съ древнихъ образцовъ.

---

3 іюня 1892 года реставрированный дворецъ былъ торжественно освященъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Сергѣя Александровича и Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны.

Еще наканунѣ этого знаменательнаго дня все населеніе соревновалось въ украшеніи своихъ жилищъ: березки, цвѣты, зелень, разноцвѣтные флаги, вензеля у оконъ, на стѣнахъ и крыльцахъ—рябили въ глазахъ.

Масса жителей изъ уѣзда, безпрерывною вереницею, весь предшествующій празднованію день, тянулась къ главному мѣсту торжества—къ «палатамъ Царевича и церкви «на Крови». Въ нижнемъ этажѣ этого храма служились одинъ за другимъ молебны до самаго звона ко всенощной. Вечеромъ совершены были всенощныя службы въ соборѣ, въ церкви «на Крови» и другихъ храмахъ.

3-го іюня 1892 года весь городъ, съ 5-ти часовъ утра, уже не спалъ и былъ, какъ говорится, на ногахъ. Народъ валилъ къ пристани пароходства «Самолетъ» и къ 9-ти часамъ утра усѣялъ всю набережную и весь склонъ берега. Другая толпа спозаранку направлялась ко дворцу, стараясь занять повыгоднѣе позицію. Самолетская пристань была переведена на другое мѣсто—прямо противъ дворца Царевича; флаги, драпировка и растенія богато украшали ее. Отъ нея вверхъ поднималась лѣстница, убранная вѣнками, гирляндами, березками, елками и разноцвѣтными флагами въ четыре ряда; оканчивался подъемъ превосходною аркою съ короной на верху и съ надписями изъ цвѣтовъ: на сторону къ пристани—«Угличъ. Добро жаловать 1892 г. С. Е. 3 іюня», на сторонѣ, къ дворцу: «Угличъ. Радуемся посѣщенію 1892 г. С. Е.». Высокая лѣстница имѣла четыре площадки и весь путь былъ устланъ краснымъ сукномъ.

Въ 9 ч. 40 м. утра, изъ за изгиба Волги, показался великокняжескій брейтъ-вымпелъ на приближавшемся пароходѣ, и вскорѣ онъ былъ у пристани. Великій Князь милостиво привѣтствовалъ народъ. Восторженное русское «ура»

было отвѣтомъ на милостивый привѣтъ Государева брата. Звонъ 26 церквей Углича гудѣлъ надъ городомъ. На пристани имѣли счастіе привѣтствовать Ихъ Императорскихъ Высочествъ и представлялись многіе представители отъ всѣхъ сословій Углича и въ числѣ ихъ шесть предводителей дворянства Яросл. губ. Было здѣсь много и почетныхъ и именитыхъ гостей изъ другихъ губерній и городовъ. На одной изъ площадокъ лѣстницы Ихъ Императорскія Высочества были привѣтствованы воспитанниками Угличскаго городскаго училища, выше дѣвочками, воспитанницами Угличскаго Николаевскаго дѣтскаго пріюта. Воспитанники пѣли гимнъ, а воспитанницы усыпали путь ландышами.

Путь шелъ къ собору. При входѣ въ него Августѣйшіе путешественники были встрѣчены Высокопреосвященнымъ Іонаѳаномъ, архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ и преосвященнымъ Амѳилохіемъ, епископомъ Угличскимъ, Викаріемъ Ярославской епархіи, со крестомъ и св. водою. Тотчасъ же началась Божественная литургія; ее совершали Высокопреосвященный Іонаѳанъ, преосвященный Амѳилохій, а также архимандритъ Алексѣевскаго Угличскаго монастыря и протоіерей Ростовскаго Успенскаго собора съ мѣстнымъ соборнымъ духовенствомъ.

По окончаніи обѣдни, ко дворцу царевича и вокругъ него, совершался крестный ходъ. Это былъ торжественный и замѣчательный моментъ. Впереди, по устланному краснымъ сукномъ помосту, шествовали два святителя со множествомъ духовенства, съ хоругвями и иконами. За ними слѣдовали Ихъ Высочества, а потомъ и другіе именитые гости и масса богомольцевъ. Невольно воображеніе переносилось за цѣлые вѣка назадъ, когда благочестивые Угличскіе Князья совершали здѣсь религіозныя церемоніи. Сами собой встаютъ тѣ, сіявшія подвигами святости, времена, когда Угличъ украшался невѣроятнымъ для потомковъ количествомъ монастырей и церквей. Если сѣдое прошлое Углича мрачно во многихъ отношеніяхъ, то оно же ярко озаряется и такими свѣтлыми образами, какъ Угличскій князь св. Романъ, преподобные Паисій и Кассіанъ грекъ—Угличскіе чудотворцы.

Но всѣ воспоминанія концентируются около крупнѣйшаго въ исторіи Углича событія и лица: тѣнь Страстотерпца-младенца, виновника торжества, казалось, витала надъ этой священной процессіей и надъ этими, долгое время нѣ-

мыми или почти нѣмыми сводами, которые теперь такъ громко заговорили, такъ краснорѣчиво засвидѣтельствовали о мученически славной кончинѣ царственнаго Отрока.

Во дворцѣ, куда достигла процессія, было совершено благодарственное молебствіе и торжественно освящено реставрированное зданіе.

4. Сосланный Борисомъ Годуновымъ въ Тобольскъ угличскій набатный колоколъ, въ который звонили въ день убіенія царевича Димитрія, по ходатайству угличанъ, въ маѣ 1892 года, былъ возвращенъ и находится теперь при музеѣ дворца. Тобольцы прозвали этотъ колоколъ «карнаухимъ», такъ какъ одно ухо у него отбито, онъ три столѣтія пробылъ въ отдаленномъ краю и является важнымъ памятникомъ и свидѣтелемъ печальнаго событія 15 мая 1591 года. Вычеканенная на немъ въ Сибири надпись славянскимъ шрифтомъ, гласитъ: «Сей колоколъ, въ которой били въ набатъ при убиеніи благовѣрнаго царевича Димитрія 1593 году присланъ изъ города Углича въ сібірь в. ссылку во градъ табольскъ к церкви всемилостиваго Спаса что на торгу а потомъ на софійской колокольнѣ былъ часобитной вѣсу в немъ 19 пуд. 20 ѳ.».

Въ день освященія дворца, подойдя къ звонницѣ, въ которой висѣлъ набатный колоколъ временно, Великій Князь Сергѣй Александровичъ ударилъ въ колоколъ. За звукомъ колокола послѣдовало громкое «ура» Угличанъ, обрадованныхъ, что Великій Князь своимъ дѣйствіемъ какъ бы снималъ съ колокола многовѣковую и несправедливую опалу.

Останавливаясь на только что описанныхъ нами въ этой книгѣ памятникахъ, извѣстный въ наше время историкъ и археологъ Е. В. Барсовъ въ рѣчи своей, произнесенной на торжественномъ актѣ во дворцѣ царевича Димитрія, въ день его освященія, въ присутствіи Великокняжеской Четы, между прочимъ, отмѣтилъ, что «торжество это не только археологическое, но и государственное и праздникъ не мѣстнаго только, но и всероссійскаго значенія».

Во дворцѣ совершилось то печальное событіе, изъ котораго развилась затѣмъ цѣлая смутная эпоха, разрѣшив-

шаяся побѣдой политическаго начала, составляющаго основу и крѣпость полсвѣтной Россійской имперіи.

Вся эта эпоха представляетъ борьбу двухъ понятій, разыгравшихся на сценѣ русской исторіи; одно изъ нихъ исконное и народное, другое пришлое—и партійное; это понятіе Государя *прирожденнаго* и Государя *выборнаго*.

Старая московская династія глубочайшими корнями была связана съ народнымъ сознаніемъ; ею собрана Русская земля, ею создано московское царство, ею свергнуто татарское иго, ею разрушены и царство Казанское и царство Астраханское. Династія эта успѣла слиться съ государствомъ; народный организмъ съ ней сросся, какъ съ своей главой. Вотъ почему, какъ скоро въ этомъ дворцѣ совершилась кровавая драма, угличане нетерпѣливо поднялись за Царевича противъ тѣхъ, кто не уберегъ его собственными руками; не дождавшись суда и слѣдствія, они совершили расправу надъ убійцами. Слишкомъ горячо отозвалось въ сердцѣ понятіе *прирожденнаго* Государя, прямаго продолжателя Царскаго Дома, коего чаяли видѣть они въ царевичѣ Димитріи. Вотъ почему ни Годуновъ, ни Шуйскій, какъ цари *выборные*, но не имѣвшіе родственной связи съ угасшею династіей, не могли упрочиться на престолѣ. Понятіе царя *выборнаго* встрѣтилось въ народномъ сознаніи съ понятіемъ царя *прирожденнаго*—и здѣсь кроется исходное начало для появленія самозванцевъ, кои дѣйствовали во имя этой *прирожденности*.

Но всего сильнѣе народное политическое сознаніе не могло примириться съ понятіемъ царя, совершенно чуждаго и иновѣрнаго. Въ то самое время, когда извѣстная партія московскаго боярства склонилась къ королю литовскому, народныя массы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчали панскія шайки, стремившіяся насильно подчинить ихъ чуждой верховной власти. Страшное угнетеніе почуялось въ народномъ сердцѣ и разрѣшилось отчаянною борьбой за свою самобытность и государственность. Исторія Углича въ эти минуты

представляетъ явленія изумительнаго геройства: лишь измѣна ввела въ городъ вражескія шайки въ самую полночь, кто-то догался взобраться на колокольню и ударить въ набатъ, чтобы разбудить спящихъ; сѣча произошла страшная: жены и дѣти посѣкались какъ трава, на улицахъ лились потоки крови, на мѣстахъ храмовъ оказались груды пепла и костей человѣческихъ.

Описывая эти событія, одинъ изъ лѣтописцевъ взываетъ: «О граде ты, граде, богоспасаемый граде Угличъ! Горькую чашу испилъ ты за Русскую землю! Радуйтесь углицкіе людіе, вѣрные сподвижники и православные страдальцы, убитые и сожженные за вѣру и законъ русскій, ибо богомерзкому королю литовскому вы не поклонились и русской землѣ не измѣнили!»

Такъ отнеслась къ понятію царя, чуждаго и иновѣрнаго, вся сѣверная Русь, а вмѣстѣ съ тѣмъ народилась и вопіющая и неотразимая потребность поставить на Руси царя *прирожденнаго*—и вотъ въ 1613 году, изволеніемъ всей Русской земли и съ благословенія церкви, былъ возведенъ на тронъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, начавшій собою новую династію. Это избраніе сдѣлалось крѣпко и непоколебимо именно потому, что онъ явился для народа царемъ *прирожденнымъ*, по своему родству съ династіею старою. Онъ самъ называлъ Грознаго своимъ дѣдомъ и царя Ѳеодора своимъ дядей.

Вотъ почему и этотъ возстановленный угличскій дворецъ, и набатный колоколъ, и храмъ «на Крови»—не просто только археологическіе памятники: это наглядные свидѣтели той эпохи, въ которую народилось, укрѣпилось и закалялось великими страдали въ народномъ духѣ понятіе *прирожденности* Русскаго царя, то великое политическое начало, которое было всегда основою крѣпости государственной жизни и которое одно служитъ залогомъ грядущей славы и величія полсвѣтной Россіи.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР